

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛЛОВА

КРЕМЛЬ 2222

Край вечной войны

**Александр Козин
Маргарита Микрюкова
Святослав Максимов
Дмитрий Олегович Силлов
Андрей Амелянович
Вадим Анатольевич Филоненко
Алексей Лагутенков
Дмитрий Юрьевич Манасыпов
Андрей Левицкий
Роман Мельников
Владислав Валерьевич Выставной
Ксения Сигаева
Шамиль Алтамиров
Никита Аверин
Роман Владимирович Куликов
Михаил Мухин**

Кремль 2222. Край вечной войны (сборник)
Серия «Кремль 2222»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6689102
Кремль 2222. Край вечной войны: [Фантастические рассказы].: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083526-3*

Аннотация

Невероятный успех «Легенд выживших», первого сборника рассказов проекта «Кремль 2222», породил настоящий взрыв фан-творчества, прокатившийся не только по России, но и по всему миру. Русскоязычные писатели из многих стран спешили принять участие в Четвертом литературном конкурсе, результатом которого стали новые замечательные рассказы как известных мастеров фантастики, так и талантливых авторов, публикующихся впервые.

Вас ждет возвращение в мир постъядерной Москвы, где живут и воюют боевые роботы, загадочные киборги, коварные шаманы, кровожадные орды человекообразных мутантов-нео и простые дружинники Кремля, защитники древней крепости. Но в этом краю вечной войны зачастую побеждает не оружие, а верная дружба, искренняя любовь, и вера в то, что мир, выжженный Последней войной человечества, обязательно возродится.

Содержание

Дмитрий Силлов	5
Андрей Левицкий	10
Владислав Выставной	16
Роман Куликов	24
Вадим Филоненко	31
Дмитрий Манасыпов	46
Раньше	48
Сейчас	54
Намного раньше	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Кремль 2222. Край вечной войны (сборник)

© Коллектив авторов

© ООО «Издательство АСТ»

Дмитрий Силлов Туман

Бывает такое – ляжет на землю предрассветный туман, словно одеяло толстенное. Глянешь с кремлевской башни, а вся земля будто в молочной взвеси утонула, ничего не видать. Шама другой туман ставят, тот на стену похож, за которой нечисть всякая прячется. А этот туман обычный, неопасный, хотя заблудиться в нем можно – только в путь.

Случилось так, что Федор в таком вот тумане и заплутал. Вышли еще затемно небольшим отрядом, железа в развалинах поискать. А как светать начало, так и затянуло все громадным белесым облаком, словно с неба спустившимся. Раз – и не видать ни черта дальше собственной руки, вперед протянутой.

Конечно, в теории можно было заорать, позвать своих. Но то лишь в теории. Любому мальцу известно – голос в тумане искажается, поэтому доверять кажущемуся направлению звука в тумане нельзя. Пойдут товарищи на твой клич, а придут в лапы нео, которые вечно возле Кремля ошиваются. Или же, как вариант, сами обезьяны на ор прискачут раньше друзей. В общем, остается либо скрытно сидеть в развалинах, дожидаясь, когда туман рассеется, либо идти вперед, если представляешь, куда.

Федор представлял. И пошел, уверенный, что идет правильно в сторону крепости. Но туман коварен, словно живое, разумное существо. Проплутав некоторое время среди руин, дружинник оказался в совершенно незнакомом месте и понял, что заблудился окончательно.

– Вот ведь, етишкина жизнь! – вздохнул он, присаживаясь на обломок кирпичной стены. – Заплутал словно последний юнак. Кому Расскажи – стыда не оберешься...

– Керрова туча! – раздалось из тумана. – Проклятый туман! Не надоело?!

Федор пружинисто вскочил, автоматически принимая боевую стойку и выдергивая из ножен меч. Надоевший до коликов клич «не надоело?!» и рычащая манера речи могли принадлежать в этих местах лишь одному существу, встреча с которым не сулила ничего хорошего.

И точно. Из тумана показалась косматая фигура, сжимающая в лапе здоровенную дубину.

– Ёшкин дрын, нео! – сквозь стиснутые зубы пробормотал дружинник.

– Рренг меня заберри, хомо! – прорычал мутант, половчее перехватывая дубину.

Понятно, чем заканчиваются такие встречи. Похоже, нео тоже заблудился в тумане, потерял мохнатых друзей-товарищей, патрулирующих лагерь – что, впрочем, не должно было помешать заклятым врагам выяснить давние отношения.

Но помешал им не туман.

Внезапно слева раздалось многоголосое шипение, словно вскипела разом дюжина глиняных чайников.

Из мутной взвеси выполз громадный аспид – жуткого вида змеюка с несколькими головами, растущими из толстого тела. Такая туша и Федора, и нео сожрет – и не подавится.

Причем двигалась огромная змея на удивление проворно. Миг – и она уже возле нео, тот только-только успел дубиной отмахнуться от кучи разъявленных пастей с острыми, ядовитыми зубами.

Однако аспиды не удача не остановила. Две башки повисли на тонких шеях, оглушенные ударом, зато остальные принялись метко плевать в лохматого мутанта желто-зелеными слюнями. Теперь змеюка явно опасалась приближаться на расстояние удара дубиной, решив взять нео по-другому.

Ядовитая слюна, попадая на мех, мгновенно проедала его до самой кожи. Почувствовав боль, здоровяк заорал и скакнул вперед, намереваясь вправить аспиду и остальные мозги тоже. Но тот метнулся назад, попутно хлестнув хвостом и сбив с ног Федора. Так сказать, охотясь на большую добычу, не забываем о мелкой.

Другому бы такой удар как минимум сломал оба колена – но не тренированному дружиннику. Уйти от молниеносного хлеста было нереально, а вот смягчить оказалось возможно. Федор подпрыгнул, извернувшись в воздухе, словно кошка – и чешуйчатый хвост аспиды лишь скользнул живым рашпилем по ногам воина, превратив в лохмотья голенища новых сапог.

Но обувка – дело наживное, главное своя шкура цела. Хотя вопрос целости вышеупомянутой шкуры в ближайшие несколько мгновений может стать чисто риторическим. Исходя из чего, приземлился Федор уже воздев в замахе руку с мечом, которым и рубанул со всей силы по аспидовой спине.

Чешуя у мутанта была знатная, крепкая, что твоя кольчуга. Но и меч дружинника не золотари из турьего навоза слепили – как-никак, лучшие кузнецы Кремля постарались. С треском разломилась полукруглые пластины, обнажив розовую плоть и позвоночник с ребрами, похожими на человеческие. Меч лишь скользнул по крепким костям, не нанеся им вреда – вся основная сила удара ушла на разрубание чешуи.

Аспид дернулся, почувствовав боль. Все его головы развернулись в сторону Федора, готовясь харкнуть ядовитой слюной.

– Шарашкина ряшка! – рыкнул дружинник, понимая, что не уйти ему от синхронного плевка многоголовой твари. Он же не нео. На лицо или на руки капля яда попадет – и всё, до вечера не дожить, даже если пораженную конечность мечом оттяпать напрочь.

Однако плевка не случилось. Разозленный ожогами мохнатый мутант высоко подпрыгнул и обрушил дубину на то место, откуда росли все многочисленные шеи жуткой змеюки.

Аспиды аж к земле на мгновение припечатало с такого подарка. Мощный хвост твари дернулся с очевидной целью хлестнуть мохнатого оператора дубины... но и этого у змеюки не получилось. На ее хвосте словно на спине фенакодуса, плотно сжав коленями плоть мутанта, уже сидел Федор, раз за разом вонзая свой меч в открытую рану. Трескал позвоночник под ударами отточенной стали, крошились ребра и хлестала на землю вполне себе красная кровь, по цвету неотличимая от человеческой.

А нео, наступив лапой на основание шей, долбил дубиной по головам твари, ослабевшей от обильной кровопотери. Долбил до тех пор, пока последний череп аспиды не превратился в кашу.

Мутант несколько раз дернулся в агонии – и вдруг вытянулся, став похожим на длинное бревно, завернутое в змеиную шкуру.

– Вот так, Рренг меня поберри, – рыкнул нео, осторожно убирая лапищу с тела поверженного монстра. – А ты ничего, хомо, ррезвый.

– Ты тоже неплохо машешься, человекоподобный, – проговорил Федор, слезая с аспиды и не спеша прятать меч в ножны. Туман немного рассеялся, то ли от их возни с аспидом, то ли по естественным причинам, потому дружинник уже мог хорошо рассмотреть своего вероятного противника и прикинуть, как и куда бить в случае, если нео решит показать свою удаль во второй раз.

Но мохнатый мутант опустил дубину окровавленным концом на землю и рассмеялся, точь-в-точь как фенакодус хрипит, подавившись костью.

– Это я-то человекоподобный? – ржал нео. – Не, щас умррру от смеха. Это вы, хомо, похожи на Новых людей, словно говорррящие лысые куклы!

Федор спорить не стал. Пусть мохнатый обезьян потешается себе на здоровье. Это лучше, чем если он начнет пытаться попробовать доспех дружинника своей дубиной на

прочность. Тем более, что надо бы разорванные голенища ремешками подвязать на манер онуч, чтоб при ходьбе не болтались.

Чем он и занялся, пока не огнуло со смеху. По ходу, у того что-то произошло на нервной почве, и с людьми такое бывает после трудного боя. Вот и обезьяна пробило на похихикать. Ну и пусть. По хорошему, без него Федору туго пришлось бы супротив эдакой змеюки.

Закончив с сапогами, дружинник разогнулся и вздохнул полной грудью. Хреновато дышится в тумане, словно через подушку. А еще вдруг жрать захотелось нереально, прям желудок под кольчугой к позвоночнику прилип. Тоже, наверно, нервное. Дохтур в Кремле говорит, что когда всякие такие проявления после боя случаются, это оно самое и есть. Не о вон на поржать, а нас, значит, на пожрать... Да только в поясном кошеле ничего нет, кроме большого сухаря – не в дальний же поход собирались. Ну и вода во фляге. Хотя, конечно, таким завтраком не насытишься, только аппетит раззадоришь.

А не о хихикать перестал, почесал брюхо пятерней и высказался:

– Кушать охота однако.

«Ишь ты, культурный какой, кушать ему охота», – подумал Федор, а вслух сказал:

– Аналогично.

Это он у семинаристов хитрое слово подслушал, означало оно, мол, тоже жрать охота, сил нет.

Не о с волшебного слова слегка подвис, потом кивнул мохнатой башкой, мол, дошло, что в желаниях с лысой куклой совпадает.

– У аспида мясо плохой, – сказал он. – Только на хребте место есть, там можно кушать, но жаррррить надо.

– Огонь есть, – сказал Федор, потрянув мешочком с кресалом, кусочком кремня и трупом.

– Хоррошо, – оскалился не о. – Давай ррразделаем мутанта пррроклитого...

Через час они сидели друг напротив друга, уплетая за обе щеки ароматное, пахнущее дымом мясо и сплевывая в костер осколки аспидовой чешуи. Попутно Федор разломил надвое сухарь и протянул половинку не о. Тот взял как ни в чем не бывало, и от воды из фляги не отказался. И, что удивительно, свою долю живительной влаги влил в пасть аккуратно, чтоб каждому досталось поровну.

Когда же завтрак был закончен, человек и мутант поднялись на ноги и одновременно усмехнулись, не веря, что произошедшее с ними вообще возможно.

– Ну, бывай, не о, – сказал Федор. – Туман рассеивается, теперь мы оба найдем дорогу домой.

– До встрррречи, хомо, – прорычал мутант.

– Нет уж, лучше прощай, – покачал головой дружинник. – Не дай Небесный Мечник, чтоб мы еще раз повстречались. Уж больно много кровавого туману между нашими племенами.

– Ты пррав, – кивнул не о. – Прррощай.

* * *

Федор нашел дорогу к красным стенам и никому не рассказал о странной встрече. Да и кто поверил бы, что человек и мутант могут мирно разделить завтрак возле костра? Даже за сказку б не прокатило. Скорее всего, покрутили бы люди у виска, мол, не иначе, дружинник в тумане споткнулся да темечком об камень приложился.

А на следующий день по ту сторону Форта встала стена другого тумана – плотного, слегка шевелящегося, какой ставят шамы, чтобы люди не знали, какое войско кроется за искусственной преградой.

Солнце перевалило полуденную точку, когда стена медленно двинулась к Кремлю. Ничего нового, очередной штурм, каких было много, и которые будут еще не раз, наверное, если удастся выстоять сегодня.

До стены оставалось не более одного полета стрелы, когда из тумана вынырнуло множество коренастых серых фигур, многие из которых тащили длинные приставные лестницы.

Дали залп лучники, зло грохнули аркебузы, затыкали одиночными редкие автоматы, привезенные издалека дружинником Данилой – стрелки отчаянно экономили патроны, стараясь, чтоб каждая пуля находила цель. И серые цели падали на землю, но их было слишком много...

Приставные лестницы легли на стены, и неолки ловко полезли вверх, с удивительным проворством перехватывая лапами грубые, неструганые перекладины. Время стрельбы минуло, настала пора мечей, копий и засапожных ножей, так как в тесном рукопашном бою зачастую трудно как следует размахнуться что мечом, что копьем.

Федор стоял в первом ряду мечников, готовясь принять на клинок самого ловкого мутанта, ибо неолки, как и люди, посылали на прорыв обороны наиболее смелых и сильных, за которыми в пробитую брешь пойдут остальные.

Дружинник уже видел мохнатую макушку и дубину, зажатую в зубах того самого первого неолка. Видел, и приготовился ударить как только покажется широкая обезьянья морда – рубить по макушке опасно, лезвие может соскользнуть с крепкого черепа. Лучше уж ударить наверняка...

Он занес руку... и замер, затормозив удар на полпути. Морда, показавшаяся над верхней перекладиной лестницы, была в мелких свежих оспинках, какие оставляет на дубленой шкуре ядовитая слюна аспида.

– Ты... – выдохнул дружинник.

У мутанта от неожиданности отвисла челюсть, и он едва успел поймать лапой дубину, выпавшую из пасти.

– Хомо... – прохрипел он.

Мгновение в скоротечном бою – это очень и очень много. И когда двое врагов вдруг ни с того ни с сего зависают, словно древние статуи, их товарищи очень быстро реагируют на нестандартную ситуацию.

– Федор, бей! – прорычал воевода, отбивающийся топором от «своего» неолка, яростно пытавшегося пробить защиту возле соседнего зубца стены. – Бей, ёшкин дрын тебе в душу!!!

Позади затормозившего неолка тоже послышался яростный рев – соплеменники мохнатого воина требовали того же, что и воевода от своего дружинника.

И они ударили. Одновременно. Так же, как день назад улыбнулись друг другу перед тем, как разойтись в разные стороны, очень надеясь на то, что им никогда больше не случится встретиться снова.

* * *

Туман был плотным, словно шамы очень постарались, наводя свою уникальную маскировку. Но в то же время это была не искусственная взвесь, поддерживаемая лысыми мутантами. Этот туман был живым. Он колыхался, расступаясь впереди и смыкаясь за спиной, и казалось, что он изучает путника, рассматривает, обнюхивает, как опытный торговец, принимающий дорогой товар.

– Вот ведь, етишкина жизнь, – с досадой проговорил Федор, глядя на окровавленный меч, зажатый в руке. – Кажись, всё, отвоевался.

Свободной рукой он расстегнул подбородочный ремень и скинул на серую траву шлем, смятый в лепешку страшным ударом.

– Прравильно, хомо, – раздался впереди хриплый донельзя, но все еще знакомый голос. – Больше он тебе не понадобится.

Из тумана вышел нео, поигрывая дубиной, покрытой как засохшей, так и совсем свежей кровью.

– Это Крррай вечной войны. Место, куда уходят мерртные после смеррти, и где враги вроде нас будут биться ддруг с ддругом вечно.

Федор посмотрел на грудь мутанта, разрубленную в области сердца... и усмехнулся.

– А оно тебе там, на земле, не надоело? – поинтересовался он.

Нео задумался на мгновение... и опустил дубину.

– Надоело, – признался он. – И кушать охота, будто и не умеррр.

– Аналогично, – сказал дружинник. – Поэтому есть предложение. Думаю, аспиды, погибшие в бою, тоже попадают сюда. Может, пойдём поищем нашего? Огниво, сухарь и вода у меня с собой.

– Ты пррав, хомо, – ощерился нео. – Кстати, хотел спрросить да забыл – кто такие Ёшка, Етишка и Шаррашка, которрых все врремя поминает твой наррод?

– Национальные герои, – отмахнулся Федор. – Типа ваших Керра или Рренга, которых вы тоже постоянно вспоминаете когда надо, и когда не надо. Пошли что ли. По одиночке нам с аспидом не справиться.

– Это точно, – согласился нео.

Андрей Левицкий Путь к Богу

Я не умный. Я вести этот люд перед собой. Вязать ему проволока руки крепко-крепко. Люд идти вяло, туда-сюда шатайся, вроде слабый и больной люд. Такая картина. Я его звать: Четырехглаз. Говорить: «Ты, Четырехглаз, иди резвей», и дубинкой в спину тык, тык! А он в ответ ругайсь, мне смешно, я смейсь.

Идти недолго-некоротко, через дикий лес. По дороге из-за дерева – осм выскочить и на нас как прыг! Я его дубиной в голову. Мерзка тварь! Вонюч, гадок осм. Хотел его сожрать, но не стал. Поспешать надо, до ночи к Горе прийти, ночь в лесу опасно даже для меня, сильный Дрым.

Лес кончайсь, и мы с Четырехглаз к Горе выходить. Пребольшая Гора, а в верхушке дыра-яма глубока, широка, в ней лагерь нео. Наибольший лагерь по всему Подмоскovie, где я, Дрым, поживаю.

Вкруг Горы пустырь. Там бочки ржавы, железяки с земли торчат, лужи воды, грязюка непомерна. И мины. Это нео с Горы мины делать. Если наступить или проволоку зацепить – большой бабах руки-ноги долой, голову долой, всё долой. Проволоки те зваться: рас-тяж-ки. Еще тут ямы, дыры, норы. Слыхал, под пустырем ватага мутов живет, каких больше нигде не видано. Зубастеры зваться, у них один самый старший большой мастер-зубастер – вождь подземной ватаги. Но не важно.

Только мы по пустырю идти, как навстречу трое нео из патруль-отряд. У двух копьа остры, а у старшого – ружье. Он в меня ружьем – тык! – другие нео копьами – тык! – и старшой такое говорит:

– Ты куда это, дикий нео, люда ведешь?

– А это к вашему Большой Голове веду, – отвечаю доброзычливо.

Младший нео, такой верткий подлец, в меня снова копьем – тык! – и кричит тонко:

– Дай я дикаря прибью, старшой, он может шпион!

– Чей, Хруз? – пытается старшой. – Чей шпион может быть дикарь нео? С Кремля, что ль, шпион? Или может осмов шпион? Ты тупой совсем.

– А я не знаю! – кричит Хруз и копьем в люда – тык! – А его зачем ведет?

Четырехглаз ну давай шататься и стонать.

– Ты мне люда не порть, – говорю я Хрузу и к старшому снова: – Он старый люд просто. Видеть, шерсть на башке белый уже. Я слыхал, на Горе в лагере вашем есть великий Железный Бог. Шэмом звать. Правда ли?

– Тебе зачем, дикарь? – ворчит старшой.

– Хочу люда вашему наистаршому Большому Голове подарить. Чтоб жертва Шэму была, чтоб любил накрепко и вас, и меня полюбил. Всем польза: Богу польза, вам польза, мне польза. Только люду не польза. Как думаешь, за то наистаршой меня в вашу ватагу взять?

– А зачем ему? У нас в ватаге нео много сильных, боевитых.

– Ну, я побоевитей-то буду, – говорю.

– А ты откуда такой пришел, дикарь?! – снова кричит Хруз и снова в меня копьем тык!

– Докажи! – велит старшой.

Ладно, я тогда копье у Хруза вырвать да об башку его сломать. Это толст копье, крепок, но я его легко ломать. Хруз опритомнил чуток. Я тогда его хватить да как кинуть – далеко улететь, хорошо. К дождю, надясь. И правда сильный я нео очень.

Третий нео, который всё молчать, аж присесть с испуга и голову руками накрыть.

Старшой тогда ну в крик:

– Ах-ха! И правда, сильный дикарь! Раз так, Зап, веди его с людом до Большого Головы. Чую: будет сегодня знатный жрачь. А ты, Хруз, встань и сюда иди. За то, что дал дикарю копье сломать об свою дурну башку, будешь наказан сильно-больно.

Вот такая картина. Зап тогда вести нас с Четырехглаз в лагерь по склону Горы, тайной тропой. На склонах нео мины ставить, опасны проволоки-растяжки тянуть.

На Горе по самой верхотуринке стена идет большая. Ее предки людов строить издавна. В ней врата большеченные, но есть и дверь, нас в нее пустить. Люд всю дорогу молчать, Зап молчать, я молчать. Так и идти в великом молчании.

Глядеть я лагерь нео: ох и велик лагерь, ох и хорош! Там домищи стоят, тут кострищи горят. Нео толпами. Галдеж, шумлеж. А в центре лагерь – о-о-о! Сам Железный Бог!

Шэм как три люда высоты. Широкий-широкий. Первый раз глянешь: ну, вроде машина. Второй раз глянешь: как будто люд! Или не люд, а может нео... Или мехалюд? Стоит на двух ногах, и даже голова есть, только квадратная вся. И без шеи. Нео Его всего холстиной обмотать, всяко на Него повесить, на плечах Евонных ожерелье из черепов – красота! Грозность! Силища! Вокруг Шэма кругом земля потоптана и остры колья мне по пояс. В них калитка. Страшен Железный Бог, могуч. Люд мой как его увидеть – так прямо столб-столбом, встать и не шевелить, только ротей раскрыть.

В лагере на Горе много нео, всякие дела делать. Лежать спать, жрать, рыгать, за самка гоняться, детеньшей мутузить. Четырехглаз голова вертеть, глядеть во все стороны, бормотать. Нас подвести к большой плита. Тот плита из бетон. Бетон люд делать, нео не уметь. На плите стул-кресло, слышал, такой зовется: трон. Вокруг четыре высоких нео, у каждого ружье.

А на троне сам наистаршой Большой Голова сидит. Гляжу вот я на него и дивуюсь: до чего уродлив наистаршой, просто несказанно. Такой во сне явится – не проснешься. Голова у Головы огромная, как три моих. Не – как четыре! И в буграх вся. В бородавах непомерных. Хотя сам наистаршой невелик статью, мне по грудь будет.

А в руках у него ружье-автомат. Ох и вещь! Себе хочу такую, очень хочу.

Я на плиту залезть, Четырехглаза за собой втащить, под коленки его – шмяк! – он на колени упасть. Молчит.

– А чего четыре глаза у него? – пытается Большой Голова важно.

– А это, – говорю, – престаршой-наивеликий, у них бывает. Два глаза свои, а два приставные. Из стекла. Очки зуются. Какой люд плохо видит – тот очки на морде носит. Они ему помочь в зрячести.

– Любопытно! – говорит Большой Голова и манит рукой: – Поддай-ка очки мне, дикарь.

Телохранники, которые у трона столбычат, на меня глазами зырк-зырк: стерегут. Я с морды люда очки сымать и с поклоном Большому Голове даю. Тот взял, покрутил, на нос себе нахлобучил. Глазищами хлоп-хлоп. Да вдруг как рассвиреп, как сорвет очки, об бетон – хрясь! И сверху ножищей – раздавил. Люд мой аж задрожал весь и сморщился.

– Что с глазами моими?! – реветь Голова. – Почему... ах, уже нормально!

Я тогда вздохнуть с полегчением – телохранники на меня уже ружья наставили, мыслили, я вред какой хозяину нанести решил. Но – пустили. А наистаршой говорит:

– Как тебя звать, дикарь? Кто таков, откуда куда идешь, зачем люда притащил?

– Как есть – Дрым я, – говорю. – К тебе на Гору, наистаршой, шел. Люда в дар тебе вел. Хотел к Богу прийти. Прослышал, что Он у вас тут есть.

– Ах! – говорит. – Слышал? Знаешь ли, кто такой Бог?

– А это самый наипрестаршой.

– Правда. Пребольшой Нео, который Всё Создал. Вишь его? Шэм звать.

И он показать в сторону Железного Бога. Я Его, конечно, видеть уже, но тут снова глядеть и головой качать.

– Ой-ой, страшный Бог какой! Вы откуда знать, что живой он есть, а не просто так стоит?

За это престаршой мне по голове кулаком – грух! Я с ног упал, так и брыкнул возле трона.

– Ты, – говорит, – Дрым – тупой нео. Дикарь дикий. У Бога глаза ночами, бывает, горят. И гудит он иногда внутри у себя. Еще сам услышишь, коли жив будешь.

– Всё понял, – говорю. – А почему Шэм?

– Не знаем, – говорит. – На все воля божия. У Него на голове сбоку так написано.

– Мудрый ты, наистаршой, – говорю. – Сразу ясно, отчего наистаршим стал. А что вы хотите с моим людом делать?

– А что? – говорит. – Сожрем, конечно.

– Просто так сожрете?

– Не просто так. На огне сначала пожарим.

– Это правильно, – говорю, – но я-то хотел люда еще в жертва Шэму дать, чтоб добрый к нео был.

– Что за жертва? – удивляется Большой Голова. – Не люблю чего не знаю!

Я по сторонам глянуть, мозги набрячь. Я, нео Дрым, умный... Наистаршой грозно так глядеть, и я тогда пытаю быстрее:

– А если кто из нео твоих хочет от тебя добра, он что делать?

Тут Большой Голова наморщил своим бугры, подумал-подумал и говорит:

– Подарки тот мне дарит. Мясо или еще что. Патроны к автомату.

– Правильно. Чтоб Железный Бог любил нео и защищал, надо ему подарки. Зовется: жертва.

– А-а-а! – взревел тут наистаршой, да по ляжкам себя рушниками ка-ак хлопбыснет. – Это как если мут, мастер-зубастер, не хотим чтоб совался к нам на Гору – так мы крысопса ловим и на привязи возле норы его оставляем?

– Вроде того, – киваю, а сам в это время все на автомат гляжу, очень уж он мне люб. – Справная аналогия.

– Чего? – хмурится Большой. После он еще поразмыслил и пуще хмурится: – Не понять все же. Зубастер – то мут. Зверь. А Железный Бог – он Железный Бог. Шэм, одно слово. Нешто люда жрать станет? Да и нам тогда ничего не останется...

– Не-е, сожрать самим надо, – говорю. – А чтоб Бог почувал, что не просто так жрем, а во славу его жрем, костер надо у ног Бога зажечь. И дым от костра, от люда жарящегося, чтоб его оведал. Поймет Бог, что все для Бога, все для него...

Большой Голова почесал свой большой голова и говорит:

– А что! Может ты, Дрым, и не совсем дикий нео. Только люда твой, гляжу, тощий, костлявый.

– Не так уж тощий! – возражаю и Четырехглазу, который уже не Четырехглаз, щеку пальцами мну. – Есть мясо, хоть с виду и худ. Я люда возле Гиблого болота взял. Я там умею ходить. Там еда и патроны найти или другое что. Если в ватагу свою возьмешь, отведу.

– Это хорошо, дикарь, – говорит наистаршой. – Давно хотел экс-пе-дицию в Гиблое болото направить. Но там же, говорят, невидима смерть прячется.

– Есть такое дело, – соглашаюсь, – однако же я знаю, как с нею совладать.

– Хорошо же! Значит, будем жертву Железному Богу приносить и жрать. – Тут делает он знак телохранникам, и они разом с ружей своих в небо: бабах!

Люда мой от такого на бок – брык, и лежит неприятный. Гляжу: нео вокруг плиты собираются, шумят, толкутся. Наистаршой на трон скок, автоматом ну давай потрясать. И ревет:

– Эй, нео мои! Это есть бродяга Дрым, каковой отныне наш! Привел он в дар мне, в жертву Железному Богу, люда. Потому объявляю я ныне Большой Жор на Горе!

Тогда нео давай кричать и наистаршого славить.

А он приказывает костер у ног Железного Бога запалить. Нео стаскивать ветки, доски, запал всякий, но гляжу – в калитку за частокол вокруг Бога входят кланяючись, сторожко, с опасением. Костер разжигать большой и кланяючись задом обратно в калитку выходить. Железный Бог на них сверху глядеть грозно и на лице его железном спокойствие необразимое.

Пока костер гореть, нео вокруг частокола пляски делать. Корчить по-всякому, по земле катать, лбами об нее бить, прыгать и снова плясать. Так шумно, так тряско! Наистаршой же приказал трон совместно с собой с плиты снести и поближе к частоколу поставить. Люда моего куда-то утащить, я его не видать совсем.

– Садись вот туточки рядком, Дрым, – приказать Большой Голова. – Говори, чем промышлял, как житействовал. Хлебни вот браги из кувшина.

Я тогда давай брагу пить да наистаршому всяки байки говорить. Он слушать, кивать милостиво и на пляски нео глядеть. А я нет-нет да и брошу взгляд на автомат в руках его. Страсть как себе такой хочется!

Долго так длилось, темнеть уже стало. Костер прогореть. Только угли жаром пых-пых. И я гляжу: в голове у Железного Бога и правда что-то светить. Несильно так, почти не видать. Какая-то прореха в голове евонной, а даже и две, и сквозь них свет пробиваться. Любопытно! – думаю. Диоды там какие-то светятся, как Проф говорил?

Наистаршой знак делать, и тогда люда моего тащить на шесте. Двое нео с ним в калитку входить и класть на рогатины, что у костра торчат. Кланяться, кланяться – и взад идти.

– Щас дым от люда стопы Железного Бога овеет, – радуется Большой Голова. – И нашей ватаге удача придет необразимая.

– Ага, – киваю. А сам напрягся весь. И ноги под седалище подомкнул, готовлюсь к прыжку.

И вот, слушайте, что дальше было: когда два нео за колья ушли назад, люд мой разомкнул руки и шустро так с шеста – скок! И на Железного Бога ну давай лезть!

Что началось! Все в крик. В вопль. Большой Голова хватать автомат. А Четырехглаз по ноге Бога – ползть, ползть! – к брюху, где дверцу видать.

Наистаршой в него автомат целить, но я своей дубинкой по большой голове – стук! Да так сильно, что она возьми и тресни. Голова, не дубинка. Я автомат хватать и как стрельни! Длинно стрельни, наперво – по телохранникам, которые пьяны уже от браги совсем, а после по всем нео округ.

Сорвал с пояса престаршого ремень с сумой, где магазины к автомату, и ну к Богу бежать! Сквозь толпу, грозно крича, стреляя... труден путь к Богу. Через частокол – шашть, и дальше стремглав.

А Проф мой уже дверцу раскрыл и внутрь Бога влез.

И там, внутри Бога, что-то давай гудеть, звенеть. Сзади крики просто оглашены! А я на Бога прыг и ползти. Как до брюха долезть, внутрь гля – Проф висит в ремнях, ноги на железные ступки поставил, двигает ими, руки тоже двигает... И Бог вслед за ним движется! Потому что никакой он не Бог, конечно, а «Шагоход Экзоскелетный Многоцелевой».

– Дрым, извини, ты тут просто не поместишься, – сказал Проф.

Не помещусь, так не помещусь. Я тогда по боку ШЭМа – и на плечо его влез. А вокруг кричат, стреляют, пули по железу: цок, цок, цок.

ШЭМ широко шагает. Частокол ломал, нео тоже ломает, которые на пути. Совсем в лепешку их давит. Плечо широкое у него, как кровать. Только тверже. Я на плече удобно

разлежся, автомат зарядил и гашу нео вокруг без жалости. Не люблю я их, нео. Хоть и сам нео. Тупые они.

Вот дошли мы до врат, и тут слышу: внизу Проф ругается. Сквозь грохот его голос доносится:

– Заело! Неужели не выберемся?! Нет – левый манипулятор слушается! Держись там, я стреляю!

Тут ШЭМ левую руку подымает, а у нее в месте пальцев – пушка. ГРУХ! И нет ворот. Теперь легко идти можно. Вот идем. А со стены на плечо ко мне Хруз прыгает. Визжит так, кричит: «Ага, ты мне сразу не нравится!»

Ну, так и что, я ж не самка, чтоб всем нравиться. Он на меня дубинкой, а я ему – пяткой в брюхо. И на землю сбросил. ШЭМ на него едва не наступил, но Хруз – юркий подлец, вбок укатился, ускользнул.

Так и ушли с Горы. Нео вслед еще бежали недолго, без вожака они немного могут. К тому же ночь уже, нельзя на пустырь – там зубастеры ночью охотятся, опасно.

Ну, кому нельзя, а кому и можно. Вот нам с Профом – можно. Мы через пустырь гордо прошествовали, Проф даже пару раз из пушки стрельнул. Для остратки.

Потом стал кричать мне снизу:

– Не уверен, что до базы дойдем! Может зарядки не хватить!

Но все же хватило ее. На рассвете по Гиблому болоту прошли, а в самом его центре – база. Зброшенная, там мы со Профом живем. Сюда ни маркитанты, ни кремлевские – никто не ходит. Слишком место гиблое. А мы – и входим, и выходим... такие мы.

На базе много всего. Оружие, припасы. Раболатория. В ней Проф работает, а я больше за порядком слежу. Охраняю, охочусь. Хотя на базе припасов хватает в железных банках да и прочих, но я мясо пятнистых болотных крыящеров очень уважаю.

Вот, поставили ШЭМа в ангар, что на минус-втором этаже, включили прожекторы ярко, обошли со всех сторон. Хорош братишка ШЭМ! Прожекторы и другое на базе от подземного источника работают, Проф говорит: он называется термальная станция.

Проф все руки потирает, радуется. Хотя и пожаловаться не забыл:

– Вот же, как ты крепко проволоку закрутил, Дрым. У меня кисти почти отнялись. И едва ее порвал. Лучше надкусывать надо было.

– Если б лучше – заметить могли, – говорю резонно.

– И очки жалко – дикарь забрал! Ладно, новые сделаю, линзы в лаборатории еще есть. Ну, как тебе наш шагоход? Экспериментальная модель, в серийное производство они так и не пошли. Работу пушки ты видел, там еще огнемёт, только сейчас бак пустой. И еще циркулярная пила. В правом манипуляторе – выдвижная газовая горелка и пулемет. Даже патроны есть. Лентоприемник заело только, но с этим мы разберемся.

Я кивнул:

– Хорош Железный Бог. Ходок. Какой путь прошел – и всего за ночь. Цивилизация все ближе.

Про нее Проф мне давно рассказал. Он меня детенышем нашел на болотах и выходил. Воспитал. Теперь мы с ним оба цивилизацию восстанавливаем. Цивилизация – это когда много еды, много самок, всего много. И безопасно. Вот у нас на базе почти что цивилизация, только самок нет.

– Так что, – спрашиваю, – поможет нам ШЭМ цивилизацию восстановить?

Профессор мой пожал плечами:

– Он-то сам по себе не поможет, но вот технология... Это сила, Дрым. Она – настоящий бог. Вернее, богиня. А шагоход, одно из ее детищ. И в совокупности с другими технологиями, которые мы тут собираем... может, что-то у нас и получится с цивилизацией.

Это правда – собираем. А что еще делать? Людов жрать, нео стрелять... Это для тупых. А я, нео, умный. Поэтому за мной будущее, а не за всякими дикарями.

Владислав Выставной Поединок

Крохотная искра проскочила в вакууме, встряхнув, словно дефибриллятор, мертвые электрические цепи.

Спустя годы после того, как перестал поступать сигнал из бункера Национального управления рекогносцировки, разведывательно-диверсионный спутник «Центурион» перешел в режим консервации и с тех пор неуклонно сползал со штатной орбиты. Около сотни витков назад аппарат вошел во внутренний радиационный пояс Ван Аллена, и обветшавшая защита от излучения дала сбой. Миллионы заряженных частиц высокой энергии сработали спусковым механизмом, запустившим спящую электронику.

Ожили, разогреваясь, микросхемы, тихо проспавшие две сотни лет. Беззвучно задвигались, разгоняясь, гироскопы системы ориентации. Активизировался миниатюрный ядерный реактор, выходя на рабочую мощность, машина запустила режим тестирования систем.

Спустя час после череды перезагрузок компьютера и запуска дублирующих систем взамен вышедших из строя, спутник приступил к выполнению поставленной задачи. Привязываясь к звездным координатам, хищно повернулся в ледяной пустоте многотонный корпус в потрепанном коконе защитного кожуха. В поверхность планеты жадно уставились радары, инфракрасные и радиационные датчики, холодно сузились «зрачки» оптических приборов.

Бездушный взгляд рассматривал проплывавший внизу город. Не город – его руины. Если бы машина могла испытывать эмоции, сейчас она ощутила бы жестокое удовлетворение – это был вражеский город.

Но спутник не в состоянии ощутить радость победы. Его назначение – выполнять боевую задачу. Компьютер выдал директиву «бета». Это означало переход к самостоятельным действиям ввиду отсутствия связи с командным центром. Оставалось найти подходящую цель.

* * *

Ему повезло. Обнаружить в руинах уцелевший компьютер – удача почти невероятная. Конечно, неизвестно, функционировало ли устройство – аккумулятор сдох многие годы назад. Но сама машина – армейский ноутбук в мощном защитном корпусе из титана и пластика – выглядела, как новенькая. Кремль не пожалеет нескольких ампер драгоценной энергии, чтобы прикоснуться к тайнам канувшего в небытие великого прошлого. Вообще, Книжник не смог бы сказать, какой именно информации он ждал от этой машины. Но то, что ноутбук был тщательно спрятан, укрыт слоями истлевшей пластиковой пленки, кирпичом и бетонными блоками, намекало на то, что содержимое толстого, прорезиненного кейса имело определенную ценность. По крайней мере для того, кто его спрятал. Теперь уже невозможно понять, кому принадлежал компьютер – агрессорам или защитникам Последнего Рубежа. Все это можно будет узнать, лишь если удастся запустить систему. Работу с подобной аппаратурой Книжник представлял себе смутно. Но надеялся на помощь древних книг и природную смекалку.

Там, на сокрытых металлом твердотельных накопителях могла быть самая разная информация. Книжник с трудом сдерживал рвущуюся на свободу фантазию. Что, если там – планы секретных линий обороны, расположение складов оружия, техники, топлива? Подобная информация для защитников Кремля бесценна, она дает силу и власть, надежду на возрождение цивилизации, сжавшейся в пределах кремлевских стен. А может, там – описание

жизненно важных технологий, все то, что забыто людьми за последние двести лет, что приходится мучительно вспоминать или изобретать заново? Или, чем черт не шутит – оцифрованное собрание утерянных сокровищ мировой культуры – книги, картины, фильмы? Немногие из людей смогли бы оценить это. Но он, Книжник, остро желал именно последнего.

Конечно, ноутбук мог содержать и другие секреты – никому уже не ненужные, бессмысленные и даже опасные тайны, вроде координат огневых точек или кодов к запуску уцелевших баллистических ракет, запечатанных, как консервы, в своих шахтах. В таком случае находку придется уничтожить от греха подальше. Меньше всего Книжник желал подобного варианта.

В любом случае без внешнего источника питания ничего не узнать. А значит, увесистый вещмешок с находкой придется тащить до самого Кремля. В одиночку, ежесекундно рискуя жизнью и злясь на самого себя за то, что полез в эти развалины, отстав от дружины. Но что тут скажешь – он просто не мог не обследовать это полуразрушенное здание. Когда-то здесь была научная библиотека, и оставалась слабая надежда отыскать уцелевшие книги. Надежда на это рассеялась быстро: книг не было. Неудивительно, почти все они сгорели в кострах в лютую ядерную зиму. Кому нужны книги, когда речь идет о банальном выживании?

Спасибо интуиции, она заставила более тщательно обследовать пустынные залы и в результате привела к этой ценной находке. Острый взгляд Книжника выделил в одном из завалов следы работы человеческих рук. Тогда он сразу догадался: здесь что-то спрятано. Но даже представить себе не мог, что именно найдет. Сам факт того, что кто-то спрятал не оружие, не одежду, и не жратву, а почти сказочный древний носитель информации, наводил на определенные мысли. А то, что для хранения этой «посылки в будущее» выбрана именно библиотека, еще больше укрепляло в уверенности: содержимое «посылки» действительно ценно.

И потому сейчас не было страха, его забивал адреналин и горячее нетерпение узнать: что там? Быстрым шагом, почти не таясь, он шел напрямик по улице, направляясь туда, где ждали его башни древней крепости.

Это была непростительная глупость. Конечно, совсем недавно плотной колонной здесь прошел отряд вооруженных дружинников. Любая замеченная ими опасность была бы незамедлительно уничтожена огнем и мечом. Но с чего он взял, что потенциальный враг не мог затаиться? Нападать на дружину – себе дороже. А одиночка с вещмешком за плечами для двух-трех нео – это и легкий трофей, и пища. Никто не застрахует безопасность и от случайно забредшего био. Были угрозы и пострашнее нео с биороботами. Последнее время у стен кремля все чаще встречали дампов. Эти не дадут умереть просто и быстро. Они с удовольствием используют возможность поистерзать, помучать слабую жертву. Да мало ли опасностей подстерегает людей за границами их тесного гетто?

Но на этот раз беда пришла с совершенно неожиданной стороны. Книжник как раз сообразил, что напрасно выперся на самую середину улицы, подставившись всем существующим угрозам. Он направился было обратно, под защиту обветшалых стен, как вдруг, шагах в десяти от него что-то ярко сверкнуло, хлопнуло, оставив шкворчащее пятно вскипевшего асфальта, да клуб жирного, черного дыма, завивавшегося в тугую воронку. Станный столб зыбкого марева, быстро расползаясь, уходил в небеса.

Книжник аж присел от неожиданности, не понимая, откуда нанесен этот не слишком точный, но мощный и необычайно эффектный удар. Это не было похоже ни на одно знакомое ему оружие. Разве что... Разве что нечто, о чем он читал в старых книгах. Забытое, почти нереальное, как драконы из детских сказок.

Все еще не веря в происходящее, Книжник поднял взгляд к небу.

* * *

Машины не испытывают эмоций. А потому электронный мозг «Центуриона» не испытал досады при промахе. Компьютер мгновенно оценил ситуацию: за более чем столетие орбитальной консервации сбились прицельные настройки боевого лазера. Прицел необходимо откалибровать. Для этого потребуется еще два-три пристрелочных выстрела. Изрядно севшему бортовому реактору потребуется около двух часов, чтобы накачать лазер энергией. Следовательно, очередной выстрел возможен лишь на следующем витке.

Холодный взгляд бортовой оптики неотрывно следил за целью. Человек внизу был опознан как враг – на нем не было стандартного датчика системы «свой-чужой». Мощное инфракрасное сканирование показывало: враг транспортирует переносной компьютер. Подобное устройство с высокой долей вероятности может являться средством управления тактическими и стратегическими силами противника. Данная цель является приоритетной и должна быть уничтожена любой ценой.

Электронный мозг спутника подал команду на системы управления реактором: повысить мощность с целью ускоренного нагнетания энергии для оружейных систем. Реактор ответил аварийным сигналом: ускорить процесс накачки лазера не представлялось возможным.

Продолжая пристально разглядывать человека, спутник погрузился в теньевую область орбиты.

Менее чем через два часа «Центурион» выплыл из тени с противоположной стороны планеты. Запустил экспресс-сканирование и вскоре обнаружил цель.

Та продолжала движение в сторону сердца вражеской обороны.
В сторону Кремля.

* * *

На этот раз сверкнуло совсем рядом, в лицо ударило жаром и смрадом горелого камня. Сомнений не оставалось: происходящее – не случайность. Это нечто лупило с самого неба, и целило непосредственно в него.

Книжник прикинул, сколько ему идти до родных стен. По всему получалось, что не менее шести часов – если он, конечно, не рискнет двигаться открыто. Поскольку это было откровенным самоубийством, данный вариант не рассматривался.

Оставалось понять, что и зачем охотится за ним из небесной синевы.

О достижениях предков в области освоения космоса Книжник знал довольно много. Конечно, это были всего лишь книги, и многие из друзей-семинаристов не верили написанному в них. Слишком уж невероятными казались истории с полетами в черноту безвоздушного пространства, слишком фантастическим выглядели все эти изображенные на картинках чудовищные ракеты, космические аппараты и одеяния космонавтов.

А Книжник верил. Более того, он разделял точку зрения наиболее прогрессивных наставников о том, что некоторые из запущенных сотню лет назад спутников все еще продолжают свое кружение по орбитам вокруг планеты. Также он помнил, что некоторые из них имели военное назначение. В курсе истории Последней Войны, который изучали в Семинарии, упоминался вскользь и некий военный проект со странным названием – «Звездные войны». Как раз там говорилось про такое оружие, способное испепелить врага мгновенно и на любом расстоянии. Нужно только напрячь память и вспомнить, как оно называлось...

Лазерное. Лазерное оружие – вот как оно называлось!

Вжав голову в плечи, Книжник вновь уставился в небо, где затаился враг. Враг, невидимый для него, но прекрасно различающий под собой человека. Что могло вызвать у него эту неожиданную агрессию? Одичавшие вражеские биороботы нападают на человека с единственной целью – сожрать, набив свои ржавые биореакторы. Но что может понадобиться спутнику в его ледяной небесной пустоте?

Нога подвернулась в выбоине, по спине больно ударил увесистый груз.

– Вот черт... – пробормотал Книжник, стаскивая вещмешок. Сел в тени развалин, поставил на горку битых кирпичей увесистый матовый чемоданчик.

Неужто вражеский спутник заинтересовала его находка? И как он только разглядел его, крохотного человечка в огромном городе, со своей немыслимой высоты? Тут же Книжнику вспомнилось, как там, в Бункере, ему довелось уже посмотреть на город через объективы вражеского спутника-шпиона¹. С орбиты можно рассмотреть многое. И вот, оказывается, можно еще и убить.

Книжник неуверенно выглянул из тени, всмотрелся в небо, будто мог разглядеть своего неожиданного врага. Однако, странно, что между выстрелами прошло около двух часов. Что бы это значило? Он попытался представить себе аппарат, движущийся равномерными витками по одной и той же орбите...

Вот оно – периодичность. Похоже, аппарат может сделать не более выстрела за один виток. Это нам на руку. Какие бы цели ни преследовал его враг, во время очередного пролета над головой вполне можно отсидеться в руинах. Нужно лишь найти подходящее здание с надежной крышей и лишнее опасных обитателей.

Такой дом он нашел быстро. Это был старинный двухэтажный особняк. Стены его были увиты ядовитым плющом, в котором зияли черные провалы окон и зев двери. Вскинув арбалет на уровень глаз, Книжник осторожно вошел внутрь. Под ногами шуршали сухие листья, у стены валялись пожелтевшие кости. Пахло тухлятиной и гнилью.

Книжник опустил арбалет: стрелять здесь было не в кого. Жаль, никакой стрелой, никакой пулей не достать до этого гада, зависшего в небесах, как невероятный, недостижимый рукокрыл, плюющийся огненным ядом. Если эта штукавина и впрямь будет бесконечно за ним охотиться, а ответить ей будет нечем, рано или поздно она уничтожит выбранную цель.

Настроение резко ухудшилось. Книжник присел прямо на груды листьев, хоть делать этого и не стоило – мало ли кто или что там живет, в этих листьях? Он думал только о своей находке и этом проклятом спутнике. Бросить ноутбук и спастись? А где гарантии, что враг не продолжит свою охоту и после этого? К тому же происходящее еще больше разжигало интерес к этому древнему устройству.

– Что же ты прячешь? – шептал Книжник, глядя в мертвый экран. – Что у тебя там?

Он прикинул время: через полчаса можно рискнуть и выбраться из убежища. Сделать это нужно непременно, чтобы добраться домой до темноты. Ночью его шансы на выживание упадут в разы.

* * *

На очередном витке экспресс-поиск не дал результатов: цель исчезла. Потребовалось несколько минут, прежде чем машинная логика вычислила возможное местонахождение цели, а мощный радар в совокупности с инфракрасным сканированием дали результат.

«Центурион» снова видел цель. Она пряталась под перекрытием старого здания. Расчеты показывали, что удар лазерным лучом по крыше не даст должного результата: с боль-

¹ Об этом читайте в романе Владислава Выставного «Кремль 2222. Запад».

шой долей вероятности жертва уцелеет. Оставалось дожидаться, пока цель покинет укрытие. Терпение у «Центуриона» было завидное.

Он ждал этого момента уже не первую сотню лет.

* * *

Отсидеться не удалось. И без того ему долго везло на тишину и спокойствие. В этих руинах так не бывает. Здесь на любую потенциальную жертву найдется свой хищник. Он сразу заметил эту зловещую тень, и по характерным движениям опознал ее.

Серв. Мелкий железный убийца. Мелкий по сравнению со своими боевыми собратьями, разумеется. Для человека эта тварь даже слишком большая. Серв явно нервничал. Он был голоден и торопился набить чрево биореактора. Он чуял присутствие биологического существа, протоплазмы, годящейся на топливо для его систем и систем его хозяина – какого-нибудь свирепого «рекса» или «маунтина». Это не важно, важно то, что сейчас незадачливого путника попытаются убить.

Злобная приплюснутая морда появилась в дверном проеме. Нервно задвигался светящийся красным глаз. Миг – и глаз остановился, уставившись прямо на человека. Нервы у Книжника не выдержали, и он нажал на спуск арбалета. Звякнуло – болт отскочил от легкой брони. Серв издал звук, напоминающий злобный визг, и с силой врезался стальными плечами в стену. На голову посыпалась пыль, какой-то мусор. Серв бился все сильнее, расширяя проход, и Книжник, похолодев, вдруг понял, что он в западне. Если он не найдет способ выбраться наружу – ему крышка. Возможно, и снаружи ему крышка, но здесь, в этой затхлой тьме, он обречен наверняка.

Решение пришло спонтанно. Он сам не ожидал от себя такой прыти, как, видимо, не ожидал этого и голодный био. Книжник разогнался и прыгнул в развороченный механическими лапами дверной проем – прямо на спину этой твари. Был шанс перекатиться через его крабовидный корпус и попытаться уйти переулками.

Но этот замысел был остановлен свыше. В буквальном смысле: с неба ударил ослепительный, с руку толщиной синеватый луч. На этот раз проклятый спутник почти попал в него – спасла внезапность прыжка. А может, просто везение. Скорее всего, именно везение – ведь удар луча пришелся прямоком в корпус био. Черт его знает, что там повредил этот мощный световой поток, но в металле на боку робота образовалась приличного размера оплавленная дыра. Некоторое время био еще дергался, из пробоины вытекала какая-то густая жидкость, в глубине корпуса искрило и тянуло горелой проводкой.

Книжник вдруг с ужасом понял, что точность стрельбы его невидимого врага значительно повысилась. И нет никакого сомнения, что следующий выстрел станет для него последним.

* * *

На этот раз в электронных мозгах «Центуриона» произошло нечто, похожее на замешательство: системы сообщили о том, что под «дружественный огонь» попал свой же служебный биоробот. Это было безусловной случайностью, к тому же потеря робота была оправдана значимостью цели. Несмотря на то, что цель снова ускользнула.

Впрочем, были и хорошие новости: калибровка систем и пристрелка оружия закончены. А это означает, что следующий выстрел будет произведен наверняка.

Уходя в тень Земли, электронный мозг «Центуриона» пребывал в полной уверенности насчет своей скорой победы.

* * *

Первой мыслью было бежать. Панически, в ужасе, прячась и забиваясь в щели. С большим трудом разуму удалось взять верх над эмоциями.

Бегство означало гибель. Нужно искать другой путь.

Книжник присел у подбитого серва, привалившись к его покрытому окислами корпусу. Нужно было найти какое-то решение. Хоть какое-то.

Ведь именно за голову, способную на такие решения, его и ценят в Кремле. Ценят князь, ценят друзья. Неужели этот недосыгаемый спутник действительно непобедим?! У него есть меньше полутора часов на поиск выхода из сложившейся ситуации. Как только спутник выползет из-за горизонта, он тут же сможет применить свое убийственное оружие.

Книжник обхватил руками голову, пытаясь выцарапать из глубин памяти хоть какую-то полезную информацию. Что он знает о спутниках, о космосе, о лазерах, наконец? Знания были скудные, отрывочные. Ведь всем в Семинарии казалось, что тема космоса на столетия канула в небытие, что человеку пора забыть про былые достижения. Что сейчас его дело – просто выжить, приспособиться к этому страшному, враждебному миру.

А когда-то люди стремились к небу. Они поднялись на земную орбиту, отправили корабли к другим планетам, высадились на Луне...

Стоп. Что-то такое было связано с первыми лунными миссиями. Что-то очень важное. То, что может пригодиться и сейчас. Луна... Космос... Лазеры...

Книжник подскочил как подброшенный пружиной. Он вспомнил. И, похоже, теперь знал, что делать. Если это и не было выходом, то по крайней мере шансом.

Он быстро обошел дохлого серва. Пнул ногой, постучал по корпусу. Шанс есть. Нужно только вскрыть эту чертову коробку. Эта штука должна быть где-то внутри.

* * *

«Центурион» беззвучно выходил из-за горизонта. Уже хорошо различим был вражеский город, и скоро должна была появиться цель. Бить следовало наверняка, для этого желательно ударить под углом, близким к прямому – это уменьшает путь луча через атмосферу, а, следовательно, сохраняет мощность и снижает преломление.

Осталось совсем немного до последнего удара.

* * *

Нужно было спешить. Но вскрыть корпус серва оказалось непростой задачей. Это, конечно, не броня ударного робота, но без инструментов залезть в его потроха непросто. Спасибо удачно промазавшему врагу: высокотемпературный луч перебил крепления обшивки. Провозившись почти час, Книжник наконец приподнял тяжелую крышку корпуса и оказался один на один с хитроумной начинкой робота.

Первой реакцией была растерянность: в этой мешанине блоков, проводов, трубок и кусков гнилой органики, казалось, было невозможно ничего найти. Помогли знания принципов устройства биомеханических машин и природная сообразительность. То, что ему было нужно, располагалось под створками небольшого лючка на «спине» серва. Чем-то оно напоминало перископ подводной лодки. Такие штуковины были у всех био. Правда, не использовались ими уже давным-давно – с тех пор, как распалась их бронированная армия.

Аппаратура лазерной связи. В режиме радиомолчания команды роботам и обмен данными между ними производились оптическим путем – для того и выдвигались эти блоки. Но Книжник искал не маломощный и бесполезный связной лазер, и не приемник оптического сигнала. Он искал простую и гениальную вещь, входившую в оптический блок.

Вот он – тяжелый стеклянный куб. Имеющий особые свойства и странное для этого куска стекла название.

Уголковый отражатель. Устройство, отражающее луч в строго обратном направлении. Эта штука запомнилась, когда он читал про лунные миссии. Установленные на Луне, уголковые отражатели свидетельствовали о том, что на ее поверхности действительно побывали люди и земные машины – стоило только осветить их мощным пучком света. Подобные штуки были и в оптических блоках био – это позволяло визуально определять их местонахождение при отключенной или подавленной врагом радиосвязи. Но сейчас эта вещь нужна Книжнику для другой цели.

Она должна спасти ему жизнь.

Времени оставалось мало. Потроша вырванный с корнем блок, Книжник беспокойно поглядывал на небо. Глупо было бы не успеть. Глупо и страшно. Но еще глупее – просчитаться в своих планах и погибнуть.

Ведь главное в этом плане – открыто показаться врагу. Очень самонадеянно и очень глупо. Но идея уже захватила Книжника.

Он не видит этот проклятый спутник. И будь у него даже сверхдальнобойное оружие, оно было бы бесполезным – что толку от оружия, когда не знаешь, куда стрелять. Но этот уголковый отражатель может сыграть дурную шутку с тем, кто вздумает применить по нему лазерное оружие. Хотя бы частично, но луч отразится – четко в направлении стрелявшего. Мощь боевого лазера мгновенно испарит устройство. Но доли секунды должно хватить, чтобы хотя бы часть энергии вернулась стрелявшему.

Убить врага это вряд ли сможет. Но есть шанс лишить его зрения. Что, в общем-то, одно и то же.

Книжник судорожно собирал из подручного хлама свое импровизированное «оружие возмездия». И старался не думать о том, что, скорее всего, погибнет в результате этого внеочередного эксперимента.

Просто выбора у него уже не было.

С усилием, уперев в асфальт отрезок ржавой трубы, он поднял над головой эту странную конструкцию – как копьё с нелепым штандартом над головой, как какой-то дикий металлический зонтик. Куски металла, нанизанные на трубу поочередно с кусками пластика, как мясо на шампур – наивная защита от светового луча. И уголковый отражатель по центру на вершине конструкции.

Книжник вжался в металл трубы, прячась под своим хлипким укрытием, закрыл глаза и прошептал:

– Умри, тварь! Умри...

* * *

Спутник вышел на оптимальную дистанцию выстрела. Прицельные устройства захватили цель. Электронный мозг отметил попытку человека укрыться под неопознанным металлическим устройством и немедленно выдал команду: «Огонь!»

Накачка лазера происходит не мгновенно. Для человека эти временные промежутки ничтожны, для машины – весьма значительны. Уже на пяти процентах мощности приборы забили тревогу, зафиксировав ответную лазерную атаку. На десяти процентах компьютер

оценил ситуацию и сделал вывод: по спутнику ударил его же собственный отраженный световой поток. Электронный мозг дал команду на аварийный сброс мощности.

Но было поздно. На полет света к земной поверхности и обратно требуется время. Этих ничтожных долей секунды хватило, чтобы поток отраженного света ударил в посланного его «Центуриона» – прямо по чувствительным приборам спутника.

«Центурион» не почувствовал боли. Как не почувствовал разочарования, злобы или горечи поражения. Компьютер просто констатировал выход из строя оптических систем и окончательную потерю цели.

Он был слеп и беспомощен. Совершенно бесполезный, лишенный смысла своего существования, спутник продолжил свой бесконечный полет по земной орбите.

* * *

Книжник сидел на асфальте, разглядывая обгоревшую, дымящуюся конструкцию. Это была не вспышка – это больше походило на удар кувалдой по макушке самодельного железного зонтика. Когда полыхнуло, во все стороны брызнули капли расплавленного металла, уничтожая хрупкую конструкцию. Одна из капель попала на плечо, прожгла ткань куртки и болезненно опалила кожу. Он просто должен был погибнуть – мощный луч способен прошить насквозь и не такую защиту. Но по какой-то причине прямое попадание было не таким мощным, как предыдущие промахи.

У него получилось. Это было невероятно, но маленький человек посреди городских развалин сумел отбить самую настоящую орбитальную атаку!

Книжник рассмеялся. Рассказать кому – не поверят. А впрочем, это не важно. Важно то, что разум по-прежнему может противостоять грубой силе. А значит, у цивилизации есть надежда.

Он быстро собрался и тронулся в путь. За спиной был ценный груз, и, несмотря на то, что Книжнику не терпелось узнать, что находится на носителе, двигался он теперь крайне осторожно. Ведь это было бы просто смешно: буквально голыми руками победить невероятного по силе врага, а потом, в самом конце пути, погибнуть, просто подвернув ногу.

Роман Куликов Важнейшее задание

Серв призрачной тенью перемещался среди развалин, окрашенных восходящим солнцем в оранжево-розовые тона. Ловко перескакивал с камня на камень, «прощупывая» сенсорами местность впереди. Двигался серв быстро, целеустремленно, умей он чувствовать, то можно было бы сказать, что воодушевленно. Ведь впервые за долгое время у него было задание.

С тех пор как война закончилась, серв лишь недолгое время мог исполнять обязанности, для которых был предназначен. Огромные боевые роботы – смертоносные машины, призванные уничтожать людей – были его заботой. Серв обслуживал их, опознавая по сигналам приоритетные единицы своего подразделения. Маленький восьминогий робот шустро сновал вокруг своих собратьев, пока те вели бой, латал поврежденные сегменты, выявлял и устранял неисправности электроники, подтаскивал питание. Но, несмотря на все старания серва, его подопечные все чаще и чаще выходили из строя, а с окончанием боезапаса теряли возможность эффективно действовать. И, следуя протоколам, приходилось бросать их и переходить в распоряжение других боеспособных био...

Через какое-то время чинить стало попросту некого. Серв метался по развалинам Москвы, сканировал пространство в поисках сигнала от старших по рангу собратьев, требующего заняться делом: найти и устранить поломку. Иногда серву удавалось перехватить искомый сигнал. И он тут же устремлялся к источнику. Но чаще всего успевал лишь к окончанию работ над поврежденным био, потому что другие сервы оказывались на месте раньше. В остальных случаях либо восстановление было уже закончено, либо чинить оказывалось нечего, а сигнал исходил от аварийного блока, имеющего автономное питание – единственного, что осталось от боевой машины. И поиски начинались заново.

Логичным выводом стало расширение зоны сканирования. Иногда он натывался на таких же неприкаянных сервов. Они обменивались сведениями о потерях в их рядах, об изменении обстановки, о местах, которых лучше избегать, после чего расходились в разные стороны, сообразно собственным целям.

Дни шли за днями, недели превращались в месяцы, а потом и в годы. Время не имело для серва такого значения, как для людей, он не умел расстраиваться, переживать, чувствовать. Искусственный интеллект, немногим более продвинутый, чем у боевых роботов, но все же с ограниченной степенью развития, анализировал все поступающие данные, обрабатывал их и принимал решения в зависимости от полученной информации. Когда рациональный мозг серва пришел к выводу, что дальнейшие поиски уцелевших био тщетны, главной задачей для него стало выживание.

Но этому пришлось учиться. Заложенных алгоритмов едва хватало, чтобы избежать явных и известных опасностей, а после войны все вокруг так изменилось, что имеющихся данных катастрофически не доставало для выполнения выбранной цели. Серву пришлось учиться. И не просто учиться, а развиваться в силу своих ограниченных возможностей.

Заложенная градация «друг-враг» потеряла всякий смысл. Вместо нее выработалась новая: «потенциальный союзник – потенциальный враг», причем прежний враг мог запросто оказаться союзником, и наоборот. Какое-то время серв провел занимаясь сбором и фильтрацией информации, наблюдая за развитием новых существ – порождений Последней войны. Порой приходилось вступать с ними в контакт и действовать по обновленному протоколу, предусматривающему теперь лишь одну цель – выживание.

Исходя из накопленных данных, серв вычислил, что другие существа подчинялись похожему протоколу. Хотя порой их поступки ставили обслуживающего робота в тупик – несколько раз даже пришлось полностью перезагружаться, потому что аналитические процессы серва оказывались в логическом коллапсе. Чтобы избежать такого в дальнейшем, он отключил функцию, отвечающую за понимание мотивации всех существ, кроме собратьев – роботов, встречающихся крайне редко.

Постепенно серв начал приспосабливаться. Выработал новые алгоритмы, исходя из анализа собранной информации, переписал доступные для изменения протоколы, и все свои функции подчинил одному: выживанию. Процессоры продолжали обрабатывать данные, и после миллиардов проведенных операций серв пришел к выводу, что для наибольшей эффективности ему необходимо подключить ассоциативный модуль.

Этот блок микросхем, со своим набором функций, памятью и слабым процессором, задействовался изредка, да и то лишь для вспомогательных вычислений. Теперь же серв перенаправил всю входящую информацию через него, как через фильтр. К этому времени его искусственный интеллект практически достиг пика своего развития и возможность «мыслить образами» весьма разнообразила существование робота.

Возможно, серв так и дотянул бы до того момента, пока его механизмы сломаются окончательно, без возможности восстановления, энергия иссякнет, и он... «умрет» – подсказал ассоциативный модуль. Попросту перестанет функционировать. Это естественно. Но то, что люди называли «судьбой», внесло свои коррективы.

Понятие «случайности» было для серва непостижимо. Он мог вычислить десятки и даже сотни обстоятельств, последовательность которых привела к тому или иному событию, но выстроить всю цепочку ему не хватало мощности. Достигнув определенного этапа, срабатывали ограничители и происходил сброс дампа. Не того дампа-мутанта, замотанного в тряпки, какие попадались порой на пути серва, а дампа памяти – содержимого рабочей памяти операционной системы. Вот и в тот момент, когда серв угодил в ловушку, подстроенную отрядом нео, вычисления мгновенно достигли критической отметки и стерлись из памяти, отмеченные как малозначимые.

«Попадалово» – появилась ассоциация за одну и две десятых секунды до того, как дубина нео обрушилась на верхнюю крышку корпуса.

Стальные манипуляторы не выдержали нагрузки, серв плюхнулся на каменные обломки. Образ «вспоротое брюхо, кишки наружу», вызвал неконтролируемый импульс, заставивший его лапы задергаться.

Нео захохотали.

Алгоритм поведения, следуя обновленным протоколам, подал сигнал на звуковые динамики.

– Чтоб вам провалиться, гнусные твари! – прохрипел серв записанным когда-то мужским голосом. – Отпустите меня, пока я вам головы не открутил, потомки голожопых обезьян!

Ожидаемая реакция недоумения в рядах нападавших позволила приступить к выполнению протокола «побег».

Но еще один удар по верхней крышке отправил робота на перезагрузку. Ассоциативный модуль успел показать картинку упавшего на землю и разбившегося вдребезги арбуза.

Восстановление работоспособности сопровождалось частыми сбоями из-за постоянных ударов по корпусу. Система расчета повреждений едва успевала менять показания. Когда они достигли отметки в двадцать пять процентов, в действие вступил протокол «паника». Серв принялся издавать звуки, как уверял протокол, ужасные для нападавших, сыпать искрами, дергаться. Но это привело лишь к тому, что один из нео схватил робота за лапы и принялся дубасить им о землю.

Критические десять процентов автоматически запустили процедуру ведения переговоров.

– Что тебе нужно, грязный нео? Я все сделаю, тупая скотина, только убери от меня свои лапы! – В этот раз голос был женским.

От неожиданности пальцы державшего разжались, и серв, пролетев пару метров, врезался в кусок торчавшей из земли кирпичной кладки. Образ подбитого самолета, находящегося в пике, завершился яркой вспышкой взрыва в момент удара.

– Говори что это? – прорычал нео, отламывая серву лапу.

– Грунт, с примесью железобетонных фракций, процентное соотношение...

– Нет! – заорал нео. – Туда смотри!

Робота подняли так, чтобы его видеокамеры оказались направленными на продолговатый предмет, который соплеменники мучителя выкапывали из земли.

– Что это?! – снова прорычал нео и для верности сломал серву последнюю лапу.

Заблокировав предупреждение системы безопасности, робот направил энергию на воспроизведение видео, сопроводив звуковым объяснением.

– Неразорвавшаяся тактическая ядерная боеголовка мощностью двадцать килотонн тротилового эквивалента...

Новый удар кулака по верхней крышке заставил его замолчать и перейти в режим минимального потребления питания.

– Если мы восстановим, то можно взорвать?! Взорвать Кремль! Отвечай! Как взорвать?!

Снова посыпались удары. Чтобы не отключиться окончательно, серву снова пришлось показывать изображение и объяснять процедуру активации боеголовки.

После этого серва бросили на землю и оставили в покое. Те пять с половиной процентов энергии, что у него сохранились, позволят протянуть какое-то время – точно рассчитать не удавалось – но анализ выдавал однозначный ответ: состояние критическое. Восстановление можно не планировать. Повреждения оказались настолько обширными, что пришлось отключить все датчики, дабы не расходовать питание. Ассоциативный модуль добыл откуда-то из архива образ палящего в воздух почетного караула, проповедника, бубнящего прощальные слова и медленно опускающегося в могилу гроба, накрытого флагом. Непонятные раньше были обычаи у людей. Ну перестал какой-то индивидуум функционировать... зачем устраивать из-за этого целое представление?

Серв лежал, размышляя на темы никак не связанные с основной целью – выживанием. Искусственный интеллект уже развился достаточно, чтобы игнорировать установленные приоритеты. Да и что ему оставалось? Других задач все равно не имелось. Какая разница, сейчас перестать функционировать, или парой лет позже?

Видеопроцессор получил картинку какого-то бородатого мужика, сидящего на стуле в баре и вливающего в себя янтарного цвета жидкость из стеклянного стакана.

Ассоциации серв не понял, видимо, не хватало обрабатывающих мощностей, но значения это уже не имело. Он один за другим завершал запущенные процессы, готовясь к последнему выключению. И поэтому пропустил момент, когда рядом оказалось еще одно существо.

Осм. Он что-то спросил. Естественно серв не мог услышать, ибо выключил блок обработки звука. На запуск ушло немного времени, но это дало повод нетерпеливому осму ударить своим щупальцем по корпусу.

– Осм меня починит? – протокол ведения переговоров все еще действовал.

– Ага, молотком и наковальней. Отвечай!

Ассоциативный блок придал словам осма смысл, но для окончательного осознания образа мощности по-прежнему не хватало. Но это не главное. Главное, что существо пообещало выполнить просьбу!

– Спасибо, осм. Поверни крышку и подними информационный экран, я покажу, – проскрипел серв и принялся запускать необходимые процессы.

Оказалось, что выполнить этого осм не может по причине отсутствия подходящих конечностей. Переговоры зашли в тупик. Будь серв человеком, он бы сейчас в отчаянии рвал на голове волосы.

Затем осм куда-то его потащил, потом зачем-то заложил камнями и ушел. Вычислять вероятность возвращения странного существа не имелось возможности, поэтому оставалось только ждать.

Вместо осма пришел какой-то человек. Странный. Серву потребовалось несколько секунд, чтобы опознать в нем своего прежнего собеседника. Подобная метаморфоза могла иметь место при использовании аномальных образований, называемых Поля Смерти. Робот счел прежние договоренности имеющими силу и выполнил то, о чем просил осм-человек: показал и рассказал, что нео нашли ядерную боеголовку и запланировали уничтожить Кремль.

И тогда... тогда осм-человек по имени Тар сделал нечто, возродившее серва не только буквально, но и на каком-то ином, ранее неизвестном уровне.

Осм-человек по имени Тар починил робота, внеся его в Поле Смерти. Словно сами собой исправилась повреждения корпуса, необъяснимым образом вернулись на свои места ноги и манипуляторы, которые отломали нео. Что происходило внутри аномального образования осталось неизвестным, потому что пребывание там вызвало немедленную и затяжную перезагрузку. Когда же функционирование возобновилось, все системы серва оказались в полном порядке. И лишь в глубинах памяти затерялось странное словосочетание: «ШАРЛОТТА ЗЕМЛЯНИЧКА». Что оно означало и как могло появиться в отсутствие питания на платах, являлось загадкой, разобраться с которой можно было и позже. Тара нигде не было, но зато осталось его задание – то, что серв пообещал сделать после починки – рассказать людям о замыслах нео.

И это словно вдохнуло в кремниево-стальные внутренности настоящую жизнь. Состояние оказалось настолько необычным, что едва не вызвало очередную перезагрузку системы. Но, пробыв на грани отключения гигантские по протяженности доли секунды, серв продолжил работать. Ассоциативный модуль предложил вариант из набора известных эмоций, определив состояние серва как «удивление».

И вот «удивленный» и «воодушевленный» робот устремился к своей новой цели, необъяснимо затмившей прежнюю.

Серв стремительно перемещался по развалинам. Система навигации проложила путь практически мгновенно, отметив условными знаками возможные опасности. Ярко-красная линия, указывающая направление, пересекала принимаемое видеокамерами изображение. На ходу он подмечал всякие мелкие детали, фиксировал и «откладывал» для анализа.

Примерно на половине пути к ближайшей заставе кремлевских дружинников, случилось то, чего серв ждал и не ожидал одновременно. Один из парадоксов, которыми пронизана жизнь людей, но ранее не касавшихся биороботов. Серв уловил сигнал-призыв. Мощный, почти без помех, и источник, судя по пеленгу, находился очень близко.

Это едва не сбilo серва с ног. В его кремневых мозгах все перемешалось. Цели, задачи, приоритеты, протоколы. Из-под крышки пошел сизый дымок. Основной процессор перегревался. Блок ассоциаций не нашел более подходящего образа, чем засунутое под микроволны и разлетевшееся ошметками куриное яйцо.

Серв вынужден был остановиться. Нерешительность в его действиях больше подошла бы какому-нибудь человеку, чем био. Но тем не менее она имела место быть. Что важнее, выполнить обещание или подчиниться приказу?

Исходные протоколы взяли верх. Рядом с красной нитью, указывающей путь к людям, появилась еще одна, золотая, ведущая к источнику сигнала.

Содержащийся в послании идентификационный код сообщил, что призывает серва био типа «Rex». Огромный, похожий на древнего ящера, робот застрял верхней частью корпуса в обломках полуразрушенного здания. Его боевая эффективность, по оценкам серва, приближалась к нулю. Как ни странно, но вокруг не оказалось больше ни одного вспомогательного робота. Серв был здесь единственным... сервом.

Беззвучное восклицание ассоциативного модуля «Бинго», сопровождалось неуверенным знаком вопроса.

Приблизившись к био, серв начал обследование его повреждений. Шея механического ящера была свернута на сто семьдесят шесть градусов, голова с видеокамерами смотрела в сторону хвоста, одна из верхних конечностей была лишена поражающих элементов, а вторая вообще отсутствовала.

Ремонт занял бы намного больше времени, чем потребовалось нео, чтобы осуществить свой план и взорвать Кремль, и все равно не существенно изменил бы ситуацию. Воевать био уже не сможет никогда. Максимум – перемещаться.

И тогда серв совершил то, что до него не делал еще ни один био: решил оставить боевого робота и продолжить свой путь. Но едва он развернулся, чтобы уйти, как «Rex» прихлопнул серва своей огромной механической лапой, впечатав в пыльный грунт. Ассоциативные сопроцессоры выдали картинку раздавленного паука. Словно чтобы добавить сравнению еще большей схожести, сразу несколько ножных приводов лопнули и разукрасили серые булжники вокруг темными пятнами гидравлического масла.

«Снижение функциональности на семьдесят и три десятых процента», – отреагировали датчики.

– Чини! – поступил приказ от боевого био.

Стало ясно, что боевой робот не позволит серву уйти, а после анализа собственных повреждений стало ясно, что он просто-напросто не сможет этого сделать.

Огромная лапа сместилась, и серв обреченно пополз к механической туше. Теперь он вынужден будет латать этот бесполезный хлам пока не истощится источник питания. «То есть, пока не наступит смерть» – подсказал блок, фильтрующий информацию.

На двух действующих лапах серв крайне медленно добрался до хвоста био. И вдруг остановился. Искусственный интеллект пришел к выводу, названному сопроцессором «интересным».

– ЧИНИ! – команда вызвала запрограммированную реакцию «боли».

И серв снова пополз, дергаясь и рассыпая искры.

Путь до места подключения – в задней части корпуса, под хвостом – занял почти сутки. Из-за ограниченной функциональности серв срывался и падал на землю двадцать три раза, получая после каждого раза порцию «боли». Но он упрямо снова начинал свое восхождение. Образ осла сопровождал его все двадцать три подъема. Ассоциативный блок не обладал встроенным интеллектом, поэтому выдавал картинку наиболее подходящую ситуации, не стремясь к разнообразию.

Наконец серв достиг своей цели. Зацепившись одним из манипуляторов за технологический выступ на брюхе био, вторым он открыл крышку, скрывающую его «мозг», выпустил коннекторы и подключился.

«Rex» вздрогнул и дернулся. Несколько перекрытий лопнули и с грохотом полетели вниз, оставляя за собой след из клубов пыли. Ящероподобный робот начал было реветь, но почти сразу сник и замолчал.

Искусственный интеллект боевого робота сопротивлялся вторжению, но изначально он создавался слабее, поэтому продержался недолго. Серв полностью подчинил его себе. Еще какое-то время ушло на перезапись программ, и вскоре подготовка завершилась.

Продолжая висеть на одной лапе под брюхом своего бывшего подопечного, маленький обслуживающий робот отдал команду к началу движения.

«Rex» зашевелился. Функционирующая верхняя конечность принялась крушить бетонные оковы. Металл скрипел и стонал, соприкасаясь с камнем. Поднятая пыль окутала остатки здания и обоих био. Падающие вниз обломки грозили придавить лапы боевого робота. Серв заставил механического ящера отступать, пятиться назад, не жалея брони и важных составных частей.

Остатки здания стали складываться. С грохотом и скрежетом куски бетона рухнули вниз, защемив разрушавшую их конечность. «Rex» едва не попал под обвал, но серв заставил свою марионетку резко отпрыгнуть и оторвать от корпуса лапу, тянущую под камнепад. Он и сам при этом чуть не сорвался, но удержался и направил покрытую пылью махину в нужном направлении.

Шагающий меж развалин искалеченный био с болтающимся под ним сервом представляли дичайшее зрелище даже для этого мира, искалеченного войной и мутациями. Сотни любопытных, а чаще испуганных глаз провожали странную парочку на всем пути до заставы кремлевских дружинников. Весть о новом чудовище опережала его, и когда до базы людей оставалось меньше километра, серв заметил среди руин вооруженных бойцов.

К ним он и хотел добраться, но вот объяснить им это не успел. От развалин, в сторону шагающего био со свернутой шеей, устремились реактивные снаряды, выпущенные из переносных установок. Оставляя белесый дымный след, они вонзились в бока ящероподобного робота и расцвели взрывами, едва не опрокинув его.

Серв кое-как удержался на своем месте, но рассчитал, что следующего залпа не выдержит. Ничего другого не оставалось, кроме как бежать. «Rex», получивший команду, рывком устремился вперед. Его массивный корпус будто стелился над землей.

Показались укрепления заставы. Со сторожевой башни ударил тяжелый пулемет, несколько автоматов, немедленно подключились к обстрелу цели тяжелые стеношные арбалеты, болты которых были способны пробить фенакодуса насквозь. От брони био отлетали целые пласты. Шею практически перерубило, и голова свалилась вниз, повиснув на остатках проводов. Но при этом она же выступала щитом для серва. Пули и арбалетные болты били по ней, бросая из стороны в сторону, и могло показаться, что уцелевший глаз осуждающе смотрел на серва, когда тот оказывался в поле зрения. К счастью, маленький робот был лишен воображения. Им двигало только одно: стремление выполнить обещание, данное осму-человеку.

«Rex», изувеченный, практически разобранный крупнокалиберными пулями и болтами на части, все таки почти добрался до ворот заставы, несмотря на то, что дружинники ожесточенно защищали свою территорию, обстреливая опасную цель. Серв бросил своего подопечного в последний рывок, и лишь когда махина, уже мало напоминающая ящера, врезалась в бронированные створки, снося их напрочь, отцепился и полетел вниз.

Пока он падал, пули оторвали последние две лапы ящера, и приземлившись, серв покатился по земле, подскакивая и ударяясь обо все подряд.

Энергии снова почти не осталось, поэтому, едва рядом оказался кто-то из людей, робот начал вещать:

– Послание! Нео собираются взорвать Кремль. Послание! Нео собираются взорвать Кремль!

Вскоре его обступили вооруженные дружинники. Они уже не проявляли былой агрессивности и были готовы слушать.

Тогда серв рассказал свою историю.

Спустя какое-то время (на вычисления опять не хватало мощности) серв наблюдал, как люди готовятся к походу. Один из них – кудрявый, с черной бородой, в блестящих доспехах – подошел, присел рядом, очистил видеоокуляры серва от грязи, потом похлопал по крышке и сказал:

– Спасибо, дружище. Может, тебе и все равно, ведь ты железка бездушная, но ты спас много жизней, а может, даже и все человечество. Не знаю, кто тебя послал, но и ты, и он, вы настоящие герои.

Серв отключил наконец ассоциативный блок, передающий праздничный фейерверк, и направил высвободившуюся энергию на монитор. Человек с удивлением уставился на него.

Изображение поблекло, дернулось, а затем показало абсолютно лысого мужчину с повязкой из лохмотьев вокруг бедер, как обычно носят осмы. Он наклонился к серву, поднял того на руки, немного постоял, словно в задумчивости, вглядываясь в студенистое марево перед собой, а затем произнес:

– Меня зовут Тар. Я – человек.

Он шагнул в Поле Смерти, внося серва на руках.

Бородач смотревший на это охнул.

– Он же... Великий Перун... он вошел в Поле Смерти! – вырвалось у него.

– Тар починил меня, – проскрипел серв.

– Кто он?

– Тар был осмом, но чтобы узнать о замыслах нео, стал человеком. А потом Тар дал серву задание: рассказать все людям. Серв выполнил его. Серв выполнил задание...

– Да, дружище, ты выполнил его. Ты – молодец.

Работай сейчас у робота блок ассоциаций, он непременно подобрал бы определение для его состояния, означающее «счастье». Но заряд в аккумуляторах закончился, и серв отключился. Теперь уже навсегда.

Вадим Филоненко Солдат последней войны

Почему так тихо вокруг? И куда исчезли все краски и запахи? Серые руины... Пепельная земля... Даже кровь кажется тускло-серой.

Ее вообще много – крови. Она покрывает изувеченные трупы. Чьи они?

Вглядываюсь изо всех сил, но перед глазами какая-то пелена.

Ага... Вон тот, у стены, кажется, Генка. Да, точно. Это он. У него больше нет лица – оно превратилось в мешанину из мяса и сломанных костей. Зато руки все еще сжимают помятую СВД. А снайпер в нашем звене был всего один – Генка Крюков.

Рядом со мной Карл. Он похож на сломанную куклу. Кажется, у него перебит хребет. А где Пашка и Славка? Они погибли чуть раньше... Но когда именно?

Пытаюсь вспомнить, но память укутала все та же мутная пелена. Или во всем виновата эта неестественная, ватная тишина? Она давит на грудь и не дает дышать.

Скосив глаза, я вижу, что куртка на моей груди разорвана. Несколько одинаковых отверстий, покрытых серой, словно поседевшей кровью. Отверстия небольшие и ровные. Такие оставляет пулеметная очередь. Похоже, в меня стреляли. Тогда мне должно быть сейчас чертовски больно, но я не чувствую ничего. Ни боли, ни страха. Только гулкая, сжавшая меня в тиски, тишина. Исчезли и звуки, и запахи. Это хорошо. Спокойно. Хочется закрыть глаза и немного поспать...

Закрываю глаза. Внезапно в мою умиротворенную реальность врывается человек. Он пытается прорваться сквозь окутавший меня молчаливый кокон. Хлопает по щекам, заставляет открыть глаза и что-то орет, но я не слышу звуков.

Человек делает мне укол в шею, зажимает куском ткани пулевые отверстия на моей груди и снова настойчиво твердит одно и то же. Его слова пробиваются сквозь тишину:

– Не отключайся! Слышишь? Не закрывай глаза! Смотри на меня! Смотри! Ты слышишь?

– Да...

– Вот молодец! Говори со мной. Не молчи.

Наверное, начинает действовать укол, потому что на меня внезапно обрушивается боль, а с нею острой волной приходят запахи, краски и звуки. Боль. Она заполняет все тело. Ее много в груди, а еще больше в ногах.

Голени... Они в огне! Как будто их облили бензином и подожгли. Пытаюсь крикнуть, но не могу – нет сил.

Мои страдания вызывают счастливую улыбку на лице неизвестного. Вернее, кажется, я уже видел его, но не могу вспомнить где...

Незнакомец радостно подмигивает мне:

– Раз чувствуешь боль, значит, еще живой. Ты только не отключайся. Говори. Рассказывай что-нибудь.

– Что? – говорить трудно.

Мне хочется вернуться назад – в тишину. Провалиться еще глубже в забытье, туда, где нет ни боли, ни этого назойливого незнакомца. Но он не собирается отпускать меня.

– Расскажи, как вы с ним, – кивок на Карла, – подбили робота.

– Мы подбили? Не помню...

– А что помнишь? Говори, не молчи! Не мог же ты абсолютно все забыть!

Он прав. Есть вещи, которые не забудешь никогда.

И я начинаю говорить. Или бредить? Мне вдруг кажется, что никакого незнакомца нет. Я один живой среди мертвых ребят. Хотя живой ли? С такими ранами на груди не живут. Да и ноги... С ними явно что-то не то...

Наверное, у меня агония. Говорят, перед смертью люди вспоминают свою жизнь. Вот и меня вдруг со страшной силой потянуло на воспоминания...

* * *

Город притих в ожидании беды. Дома и улицы, посвежевшие после утреннего дождя, выглядели непривычно пустынными. Тишина давила на уши сильнее звука реактивного двигателя.

Из-за купола древней церкви выглянуло солнышко. А через мгновение рядом с привычным светилом возник еще один яркий шар. Он начал разрастаться, заполняя все вокруг своим неестественно белым сиянием, обволакивая улицы нестерпимым жаром.

Задымилась церковь. Ее купола просели и растеклись расплавленным металлом, словно мороженое, оставленное ребенком на солнце.

Вслед за вспышкой последовал удар. Взрывная волна, подобно своей океанской сестре, побежала по притихшему городу, сметая по пути панельные дома и кирпичные новостройки, как будто это были песчаные замки, построенные малышами на берегу...

...Этот сон снился мне каждую ночь, хотя, на самом деле, я не видел ядерных взрывов вживую. Во время ракетно-ядерного удара мы с матерью и сестренкой находились далеко от Москвы – в бомбоубежище города Ярославль. И все же, стоило голове коснуться подушки, как перед глазами снова и снова вставала оплывающая, как мороженое, церковь...

...Меня мобилизовали прямо из бомбоубежища. Потери первых месяцев Войны оказались невероятными. Фронту требовались все новые и новые жертвы. Мать ругалась с военкомом, кричала, что мне только что исполнилось шестнадцать. Говорила, что воюет ее муж, мой отец, и она не может отдать фронту еще и меня. К моей тайной радости, это не сработало – мобилизации подлежали все юноши, достигшие шестнадцатилетия. Военком, замученный и охрипший от споров с такими вот матерями, молча заполнил бумаги на меня и еще нескольких ребят, после чего забрал нас с собой.

Я очень хорошо запомнил, как дверь бомбоубежища с тихим всхлипом захлопнулась за нашими спинами, отрезая нас от рыдающих матерей и безмятежного детства.

Всех новобранцев собирали на призывном пункте, который оборудовали возле бывшего автовокзала. Везли нас туда на настоящем БТРе.

Впервые после начала Войны покинув бомбоубежище, мы озирались по сторонам с опаской и болезненным любопытством, ожидая увидеть разрушенные в щебень дома и перепаханые воронками улицы. Но город выглядел почти как прежде – разве что непривычно притихшим и безлюдным. В отличие от многих других населенных пунктов, Ярославль уцелел во время первых ракетно-ядерных ударов. Ни одна бомба не упала на наш город.

Мы ехали по улицам практически в одиночку. Только пару раз мимо нас пронеслись машины полиции, да пропыхтела колонна военных грузовиков.

На привокзальной площади царило оживление. Кроме заполненного новобранцами автобуса, прямо посреди проезжей части стояли два военно-транспортных вертолета и несколько фур, в которые грузили какие-то ящики.

Военком указал мне на здание вокзала и велел:

– Жди там. За тобой придут. Остальные со мной.

– А почему мне ждать? Кого?

Военком отмахнулся от моих вопросов, как от надоедливых мух, повторил:

– Жди, – и повел остальных ребят к автобусу.

Я растерянно посмотрел им вслед и вошел в здание вокзала. Но там было пусто. Основная жизнь кипела снаружи. По площади туда-сюда ходили военные. Один вертолет взлетел. На его место почти сразу приземлился другой со странной символикой на борту: молния на фоне щита. Никогда такого раньше не видел.

Я присел на ступеньки у входа. Пытался думать, но не мог сосредоточиться. Мысли скакали блохами. «Отец на фронте. Может, мы там с ним встретимся?» «Мать жалко. Все по отцу плакала, теперь и по мне будет...» «Почему меня не взяли в автобус вместе со всеми? Вроде не больной. Наоборот даже...»

В свои шестнадцать я уже был плечистым крепышом под два метра ростом. И мускулы мои были отнюдь не из ваты, в чем не раз убеждались парни постарше. Не знаю почему, но меня постоянно задирали в парках, кинотеатрах и кафе. Стоило мне появиться в общественном месте, как тут же находились желающие свести близкое знакомство с моими кулаками. На всяких отморозков я действовал, как красная тряпка на быка. Так что махалово вскоре стало для меня делом привычным. Иногда били меня. Чаще победителем оставался я. И на моей репутации вскоре появилось несмываемое пятно «фулюгана, по которому тюрьма плачет». Именно так твердила наша выдра-соседка по лестничной клетке. Хотя, видит Бог, я первым никого не задираю. Я вообще парень мирный, конфликтов не люблю – если, конечно, ко мне сами не лезут...

Не усидев на месте, я встал в дверном проеме автовокзала, разглядывая улицу. Автобус с новобранцами уже уехал. Остальные военные занимались своими делами и не обращали на меня внимания.

«Обо мне что, забыли?!» – ударила в голову паническая мысль.

– Это ты Виктор Терентьев? – прозвучавший за спиной голос заставил подпрыгнуть.

– А? – я резко обернулся.

Передо мной стоял человек. На вид ему было около тридцати. В военном камуфляже без знаков различий. Темноволосый, но с очень светлыми ледяными глазами. Такие глаза раз увидишь – не забудешь. Глядя в них, я вдруг почувствовал себя бабочкой, которую протыкает насквозь безжалостная игла.

Незнакомец продолжал смотреть на меня не мигая этими своими обжигающе-холодными глазами и ждал ответа на свой вопрос:

– Так как тебя зовут, парень?

– Витек... Э... Терентьев Виктор Олегович, – быстро поправился я.

– Ну что, Виктор Олегович, видишь вон тот борт? – мужчина указал на вертолет со странной символикой. – Иди, садись на свободное место. Сейчас полетим.

В моей голове взорвался рой вопросов. «Куда полетим?.. Сразу на фронт?.. А автомат дадут?..» И все в том же духе. Но спрашивать не стал, лишь молча кивнул. Решил, что так я выгляжу солиднее. А то и так едва не «потерял лицо», опустив глаза под этим его ледяным взглядом. Да и сердце вон до сих пор о пятки бьется, словно только что три километра пробежал. Первый раз со мной такое. Я не боялся, даже когда меня зажали в подъезде шестеро бритоголовых – ножичками пощекотать решили. Я тогда в больницу попал, но не сдрейфил. А сейчас на пустом месте от чужого взгляда аж руки затряслись, хорошо, что вовремя их в карманы спрятал. Реально сдрейфил на пустом месте, просто фигня какая-то...

Внутри вертолета вдоль бортов тянулись пластиковые скамьи без спинок и поручней. Сесть оказалось некуда, все скамьи были заняты плечистыми здоровяками вроде меня. На вид, правда, они были постарше, всем около двадцати. Кто-то дремал, привалившись спиной к стене, некоторые тихо переговаривались, не обращая на меня внимания. Я растерянно застыл в проеме, не зная, что делать. Не на пол же садиться!

Неожиданно из хвостовой части машины кто-то помахал мне рукой.

– Сюда! Иди сюда! Так, пацаны, двигаемся! Давайте, давайте, шевелите булками! – паренек с подбритыми висками и модным рыжим хохолком на голове развил бурную деятельность, заставляя всех потесниться. Как ни странно, его послушались. Заворчали, правда, но подвинулись.

Наконец на неудобной узкой скамейке оказалось достаточно места. Я примостился рядом с моим неожиданным товарищем.

– Карл, – представился он и тут же добавил: – Только не надо про Клару и кораллы, ладно? А то задрали.

– Да я и не собирался... Ты немец что ли?

– Только по матери. Батя у меня русский. Вообще-то я из Москвы. А ты?

– Местный, – я оглядел остальных ребят. Лица незнакомые. – Вы тут все москвичи?

– Не-а. Я из Рязани, – откликнулся парень, который сидел напротив.

– Из разных городов насобирали, – пояснил Карл. – Если ты местный, то из какого места? А то нам не сказали, где мы приземлились.

– Ярославль, – мое удивление нарастало. – Зачем нас собрали всех вместе? Куда везут?

– Никто не говорит. – Карл придвинулся ко мне поближе и перешел на шепот. – Славка, – он кивнул на загорелого почти до черноты бугая, который спал, привалившись к стене, – хвастался, что подслушал в военкомате разговор насчет нас.

Я весь превратился в слух, стараясь не пропустить ни слова.

– Про киборгов слыхал? – азартно шепнул мне на ухо Карл.

– Да, конечно.

– Так вот. Вроде как мы на фабрику специальную летим. Будут из нас делать этих самых киборгов.

Я невольно улыбнулся. Не знаю, как можно повестись на такую явную байку!

Про кибернетические живые организмы перед Войной ходило много слухов. Дескать, в секретных лабораториях обычным людям вживляют нано-боты, и от этого повышается реакция, скорость и выносливость. Будто бы, такие люди могут не спать по нескольку дней, стреляют без промаха и прочая суперменщина. Только вранье все это. Никто тех киборгов в глаза не видел. Люди, правда, шептались по углам. Но если слушать все, что народ говорит, уши завянут: и в столице спецназу какой-то D-ген вживляют для улучшения боеспособности, и инопланетяне с отростками вместо глаз живут в подземных лабораториях, и в Москве-реке завелись осьминоги-мутанты. Короче, ерунда все это. Бабушкины сказки.

Тем временем пилоты запустили двигатели. Винт вертолета начал раскручиваться. Салон ощутимо затрясло, от шума заложило уши. Но входной люк оставался открытым, и взлетать мы не спешили, словно ждали еще кого-то.

Внезапно в открытом люке появился тот самый мужик с льдистыми глазами. Как будто снова возник из ниоткуда. Еще мгновение назад его тут не было, и вот он уже в салоне.

– Видал? – крашенный хохолок на голове Карла затрясся от восхищения. – Этот Виталий Палыч точно прошел курс вживления нано-ботов. Разве нормальный человек может двигаться так, что за ним глазом не уследишь?

– И кто он такой?

– Наш сопровождающий. Больше ничего не знаю.

– Так у него и надо спросить, куда нас везут, – посоветовал я.

– Вот ты и спроси, – предложил Карл.

Я вспомнил холодный, словно ледяной клинок, взгляд светло-голубых глаз и невольно пожегся. Задавать вопросы этому самому Виталию Палычу почему-то абсолютно не хотелось.

– Вот то-то и оно, – понимающе вздохнул Карл и замолчал.

Я тоже молчал. Теперь двигатели ревели так громко, что разговаривать было трудно.

Наша винтокрылая машина оторвалась от земли и начала подниматься вверх. Люк так и не закрыли. Виталий Палыч сел в проеме к нам спиной, свесив ноги наружу, и молча следил взглядом за проплывающими внизу крышами моего родного Ярославля.

* * *

Летели мы чуть меньше двух часов. Приземлились на аэродроме в расположении какой-то воинской части. Кроме нашего, там стояло еще с десятков бортов. Вокруг сновали люди в военной форме с теми же странными нашивками – молния на фоне щита.

– Ну, и куда это нас занесло? – Карл, как и все мы, удивленно разглядывал незнакомую символику.

– Спецвойска, – авторитетно проговорил загорелый Слава. – Я ж говорил, что нас отправят в спецназ.

– Ты говорил, что на фабрику киборгов, – напомнил ему Карл.

Слава презрительно повел плечами и скорчил мину:

– Я нарочно вам, салагам, дезу слил, чтоб военную тайну раньше времени не раскрывать.

– Это кто тут салага? – один из парней начал подниматься с сиденья, угрожающе поигрывая мускулами.

Виталий Палыч мельком посмотрел на него и сказал всего одно слово:

– Не надо.

Спокойно так сказал, негромко. Скорее попросил, чем приказал, но здоровяк тут же уявл, сдулся, как воздушный шарик, и с запинкой спросил:

– Так мы это... прилетели?

– Да. Выходите и стройтесь у вертолета, – сопровождающий первым соскочил на землю и пошел в сторону ближайшей постройки.

Неожиданно для себя самого я выскочил следом и окликнул:

– Виталий Палыч!

Он обернулся. У меня аж мурашки по коже побежали под его взглядом, захотелось нырнуть обратно в вертолет, спрятаться за спины ребят и вообще стать маленьким и незаметным. Но я пересилил себя, зачем-то кашлянул, нахмурился и спросил:

– Виталий Палыч, а что это за род войск? Кем мы будем? Что из нас сделают?

Моя речь прозвучала путано, но настойчиво.

Сопровождающий посмотрел мимо меня. Оказывается, за моей спиной сгрудились ребята и, затаив дыхание, ожидали ответа.

Виталий Палыч скривился, словно от зубной боли, но ответил:

– Молния на щите – это нашивки истребителей боевых роботов. Вот ими вы и будете.

Он хотел добавить что-то еще, но передумал.

– Истребители боевых роботов! Круто! – парни и не думали скрывать своего восторга. Я тоже заулыбался во весь рот.

Виталий Палыч посмотрел на нас со странной злостью, а потом резко развернулся и зашагал к зданию штаба.

* * *

– Совсем еще мальчишки, – полковник Кочетов смотрел в окно на выстроившихся возле вертолета новичков. – Лет по семнадцать?

– Да? А шестнадцать не хочешь? – Виталий Палыч потянулся за сигаретой.

– Что, правда? – Кочетов подставил ему пепельницу.

– Один – да. Остальные постарше.

– На вид крепкие ребята.

– Таких и отбирали – чтоб сил хватило «Метисы» таскать². Но... Коля, они совсем ведь еще дети! Радуются, дурачки. «Истребители боевых роботов! Круто!», – передразнил он своих подопечных. – Даже не понимают, что вот-вот попадут в мясорубку...

– Ну, мы с тобой были не намного старше, когда прошли свою первую мясорубку. Помнишь Загреб?

– Такое не забыть. Только там конфликт был локальный. У нас в тылу имелись госпитали, боеприпасы. Жратва, наконец. А в этой войне, Коля, тыла нет. – Виталий Палыч глубоко затянулся сигаретой и едва заметно поморщился – дым почему-то показался ему горьким на вкус. – Десять секунд, – вновь заговорил он. – Этим мальчишкам осталось жить четырнадцать дней и десять секунд.

Полковник промолчал. Да и что тут ответишь? Десять секунд. Именно столько живет расчет истребителей роботов в бою. Как только противотанковая ракета уходит на цель, оператор ПТРК оказывается обнаруженным. И даже если он успеет первым завалить биоробота, тут же получит «сдачу» от его свиты: малых роботов, именуемых пристяжкой, или же от людей – бойцов взвода прикрытия, без которого биороботы не ходят. Поэтому потери среди «ястребков» огромные. И потому в училище полковника Кочетова каждые две недели прибывают новые курсанты.

Четырнадцать дней обучения – и в бой. А там – десять секунд. Или, если повезет, то немного больше...

* * *

– Атаке боевых биороботов предшествует артиллерийская и авиационная подготовка. Перед атакой противник пытается вскрыть позиции активных противороботовых средств и подавить их. После броска в атаку биороботы класса «А» стремятся проникнуть в глубину обороны, подавить артиллерию и совместно с высаженными мелкими десантами из роботов класса «В» создать у обороняющегося впечатление его полного окружения.

Полковник Кочетов читал теорию размеренным скучноватым голосом, вызывая у меня непреодолимое желание зевнуть. Впрочем, не только у меня. С риском вывихнуть себе челюсти зевали большинство курсантов, а Пашка Лобанов вообще спал, скрестив на парте руки и пристроив сверху них свою щекастую голову.

Обучение продолжалось уже неделю, и все это время на сон отводилось по пять часов в сутки. В четыре подъем, зарядка, завтрак. Затем в классы на теорию, которую вел начальник училища полковник Кочетов. Потом практика – марш-бросок с тридцатикилограммовыми «Метисами» на спине, рытье позиций или беготня по полуразрушенным домам с целью организации засады на биороботов. Потом немного стрельбы – очень мало, так как практически все боеприпасы шли на фронт.

Обедали мы на позициях – сухпайками. Затем час на отдых и перекур с передремом, как шутил Карл, а потом всё по новой – беготня по полям и оставленному жителями поселку, который служил нам учебным пособием. Уже под вечер возвращались мы в казарму. Час на помывку-постирушку, ужин, потом еще час – так называемый разбор полетов по итогам дня, и в двадцать три отбой...

² Противотанковый ракетный комплекс ПТРК «Метис-М1» переносится в двух выюках. В первый входит пусковая установка и одна ракета. Вес такого выюка 24,6 кг. Второй тяжелее – 28,6 кг. Он состоит из двух ракет в транспортно-пусковых контейнерах, сокращенно ТПК.

Задумавшись, я задремал. К счастью, в отличие от Пашки Лобанова, не успел рухнуть головой на парту, а продолжал сидеть себе, прикрыв глаза – вроде как лекционный материал обдумываю.

Проснулся от резкого хлопка.

Оказывается, полковник со всей дури хлопнул указкой по парте Лобанова. Тот дернулся, испуганно вытаращив глаза, спросонок не понимая, где он и что произошло. Класс загоготал. Я вытаращил глаза, всем своим видом показывая, что я-то не сплю. В норме все.

Кочетов уставился на Пашку взглядом оголодавшего вампира:

– Курсант Лобанов.

– Я, – вытянулся в струнку Пашка.

– Вопрос на засыпку: какова основная задача мобильных звеньев «ястребков», в одном из которых тебя угораздило состоять?

– Уничтожать десанты противника, состоящие из роботов класса «В», таких как «Спайдер В3», «Раптор В1», – затараторил Пашка, но Кочетов перебил:

– Основная ваша задача, курсант, не проспаться лекцию, потому что в ней может быть сказано нечто, что в бою спасет жизнь твоим товарищам. А может быть, и тебе.

Полковник обвел взглядом притихший класс, жестом разрешил красному, как вареный рак, Пашке сесть, и вновь вернулся к занятию:

– Итак. Кто скажет, каков состав звена «ястребков»?

Карл Погорельский с готовностью протянул руку. В теоретической подготовке он был первым – материал схватывал буквально на лету, обладая отменной памятью. Да и на практике показывал едва ли не лучший результат. И вообще среди нас – двадцати пяти курсантов, был неформальным лидером. Хотя загорелый до черноты Вячеслав со смешной фамилией Капуста постоянно пытался оспорить первенство Карла. Вот и сейчас Капуста не смог смолчать:

– В звено входят: оператор ПТРК, снайпер-наблюдатель и три автоматчика, – скороговоркой отбарабанил Слава, опережая Карла.

– Два автоматчика и один гранатометчик, – тут же поправил его Карл. – А еще ты забыл добавить, что один из автоматчиков несет две ракеты для ПТРК.

У меня машинально заныла спина. Ох уж эти ракеты! Тандемные кумулятивные или термобарические, весили они в сумме почти тридцать килограммов, а если добавить сюда еще и «калаш», и подсумки, то все это нести – то еще удовольствие. Особенно бегом вверх по лестнице на крышу, чтобы занять позицию.

Я прямо увидел мысленно, как по всем правилам устраивает засаду наша группа. Карл, как оператор ПТРК, на крыше заброшенного двухэтажного здания, укрывается за кирпичной надстройкой. Под ним на чердаке снайпер – Генка Крюков, занял позицию в полутора метрах от пролома-бойницы. На каждом этаже по автоматчику: Слава и я. Мы контролируем окна. Причем на первом этаже я натянул противогранатную сетку, чтобы «подарочек» в рожу не схлопотать. На улице возле забора притаился последний участник группы – Паша Лобанов с «Вампиром». Он жажнет из гранатомета и отойдет в дом.

Я еще раз мысленно осмотрел расстановку ребят на позиции. Вроде все верно. Хотя нет! Заградительную мину забыли! Ее надо было поставить перед забором. А теперь уже поздно – громадина Спайдера почти подошла к забору. Почему же Лобаныч подпустил его так близко?! Почему не стрелял?!

Спайдер разворачивает свой «Гатлинг» в мою сторону. Пулеметы раскручиваются с металлическим свистом. Пули вырываются из стволов и несутся прямо на меня. Я хочу крикнуть и не могу. Пытаюсь убежать, но ноги не слушаются...

– А-а-а... – вырывается из моего сведенного судорогой рта.

А в ответ... гогот двадцати четырех глоток. Вскидываюсь спросонок. Вижу улыбающегося Пашку. Хочу спросить, почему он не стрелял, и вдруг понимаю, что это все мне только что приснилось.

– Курсант Терентьев!

– Я! – вытягиваюсь по стойке «смирно».

Полковник смотрит на меня непередаваемым взглядом, словно придумывает наказание пострашнее. Небось, придется после отбоя чистить туалеты. Но все оказывается куда хуже.

– Курсант Терентьев, я вижу, вам охота поспать? Что ж, поспите... Сегодня вы ляжете спать на час раньше, зато ваше звено этот час проведет за ободряющей пробежкой.

Улыбки сползают с лиц. Пробежка после полевых занятий – то еще удовольствие. Мы и так приползаем в казарму еле живые от усталости, с одной лишь мечтой – рухнуть в кровать. А тут такое...

Мне стыдно так, что горят уши. И черт же дернул меня заснуть!

– Эх, ты, Тетеря, – слышу за спиной злобный шепот Славки.

– Садитесь, курсант, – приказывает мне Кочетов.

Занятие продолжается...

* * *

Саперные лопатки жадно вгрызаются в сухую землю. Копать очень трудно – спрессованный утрамбованный грунт отколупывается маленькими кусочками. Вначале приходится его рыхлить, а уж потом подхватывать на лопату.

Солнце жарит так, что спекаются мозги, а перед глазами плавают кровавые мушки.

Наконец титанический труд окончен. Мы занимаем позицию. Карл устанавливает учебную ракету в пусковую установку ПТРК, и ныряет в только что отрытый окоп. Мы вчетвером плюхаемся в разных местах на землю, делая вид, что собираемся его прикрывать, а на деле пытаюсь хоть чуть-чуть перевести дух.

Виталий Палыч окидывает взглядом нашу позицию и холодно констатирует:

– Вы убиты.

– И кто же нас убьет? – с вызовом спрашивает Славка. Усталость разбудила в нем дух противоречия.

– Вот он. – Виталий Палыч кладет ладонь на довольно толстый вяз. Свою позицию мы разместили сбоку от него, надеясь, что дерево замаскирует наш окопчик. – Ответный выстрел противника завалит его нахрен. И вас погребет под деревом. И еще... Когда земля такая сухая, неплохо было бы увлажнить ее водой перед и позади ПТРК. А то после выстрела поднимется пыль. Это, конечно, не смертельно. Но оператору вместо того, чтобы вести ракету на цель³, придется выковыривать из глаз землю и выплевывать изо рта всякие веточки-цветочки.

Виталий Палыч смотрит на Славку и спрашивает:

– Еще вопросы есть? Нет. Тогда лопаты в руки и за работу. У вас полчаса, чтобы подготовить новую позицию.

В ответ раздается стон из пяти глоток. Снова копать эту твердую, как камень, землю! Да у нас ладони уже все в кровавых мозолях, а руки не в состоянии поднять ничего тяжелее банки тушенки! Нам позарез нужна передышка!

³ В ПТРК «Метис-М1» используется полуавтоматическое наведение ракеты на цель по проводной линии связи. Выглядит это так: вслед за выпущенной ракетой тянется тонкий провод, по которому поступает команда от оператора. В течение всего полета ракеты, оператор корректирует направление ее движения вручную с помощью устройства, похожего на джойстик.

Внезапно ветер приносит канонаду. Это не учебные стрельбы. Это приближается фронт. Он уже в нескольких десятках километров от Москвы. Бои идут на подступах к Королеву. Наше училище, расположенное в Мытищах, стало прифронтовым. Здание одной из казарм отвели под госпиталь, и туда днем и ночью прибывают раненые.

Несколько мгновений мы вслушиваемся в гул близких взрывов.

– Ядерно-фугасными лупят, – тихо говорит Генка Крюков, снайпер нашего звена.

Он единственный из нас попал под бомбардировку еще в начале Войны и выжил – один из всей семьи.

Как рассказывал нам Генка, отец пытался довести их с матерью до ближайшего бомбоубежища. Но на месте бункера оказалась перепаханная взрывом земля, торчали бетонные блоки да перекрученная арматура. Отец углядел среди этого бетонного хаоса уходящую куда-то вниз щель, и в последний момент успел втолкнуть туда Генку. И в этот миг рвануло. Родители остались снаружи. Отец пытался закрыть собой мать...

– От матери остался только обгоревший скелет, – рассказывал Генка. – А отец просто испарился на месте...

Самого Крюкова тоже здорово припекло. Если б не современная медицина, то Геннадий вряд ли бы выжил. Но и теперь его кожу покрывали следы ожогов. Волосы на теле парня больше не росли, а сгоревшие уши делали его похожим на персонажа фильмов ужасов.

Честно говоря, я думаю, у него мало шансов дожить даже до ближайшего Нового Года – все-таки в эпицентре ядерного взрыва радиации он хватанул немало. Конечно, у всех нас, кто покинул бомбоубежища, рентгенов набралось порядочно, но он-то пережил прямое облучение. Генка украдкой харкает кровью, его частенько тошнит. Все знают, что у него лучевая болезнь, но он – снайпер от Бога. Его не хотели брать в армию, но Генка очень просился, и Виталий Палыч взял парня в «ястребки» под свою ответственность.

...Канонада не стихает.

Мы разбираем саперные лопаты и молча отправляемся рыть новый окоп...

* * *

Резкий сигнал тревоги ворвался в учебные классы, прервав занятия. «Это не учебная!» – пронеслось в голове у каждого. Несколько минут спустя три сотни курсантов выстроились на плацу в полном боевом снаряжении.

– Противник прорвал оборону в районе железнодорожной станции Болшево, – полковник Кочетов говорил короткими четкими фразами. – В нескольких километрах от нас ожидается высадка десанта. Наша задача: блокировать его и продержаться до подхода основных сил, – полковник мгновение помедлил, а потом добавил: – Удачи, ребята, она вам понадобится.

Пока курсанты рассаживались по машинам, Виталий Палыч тихонько спросил у полковника:

– До подхода основных сил, говоришь. А они подойдут?

– Не уверен. Фронт прорван. Так что... Считай, что мы уже не в тылу, а на передовой.

– Если на передовой, то нам повезло, – проворчал Виталий Палыч. – Может оказаться и хуже – если тут будет тыл, только не наш, а противника...

* * *

Большинство курсантов с преподавателями, комендантским взводом и самим полковником отправились к станции Тайнинской – месту высадки вражеского десанта, среди которого основную часть составляли биороботы. Считалось, что цель десанта – перерезать

железнодорожные пути, блокировать Ярославское шоссе и ударить в тыл королёвской группировке наших войск. Предполагалось, что в сами Мытищи вражеские роботы не пойдут. Тем не менее Виталий Палыч настоял, чтоб хотя бы три звена «ястребков» все же перекрыли путь в город. Среди этой тройки оказалось и мое звено.

В Мытищах полным ходом шла эвакуация. Вывозилось оборудование, документы и оставшиеся жители: рабочие с ММЗ, «Счетчика», кабельного завода, медперсонал городской больницы вместе с ранеными. Заполненные под завязку автобусы и грузовики со скоростью черепахи ползли в сторону Москвы, а на эвакуационных пунктах в ожидании транспорта толпился народ. Женщины, мужчины, дети...

Наш грузовичок пропыхтел мимо такого пункта, размещенного в одном из корпусов кабельного завода. Мой взгляд выхватил из толпы снующих людей девушку-подростка. На вид лет пятнадцать-шестнадцать, худенькая, с уставшим запыленным лицом и короткими светлыми волосами, в рабочем халате, из-под которого виднелись стройные загорелые ноги. Казалось, незнакомка только что со смены, даже не успела принять душ и переодеться. Она тащила огромный и явно тяжелый для нее ящик с инструментами, а потом остановилась передохнуть, рассеянно посмотрела вслед нашей машине, случайно встретилась со мной взглядом. И тут незнакомка внезапно улыбнулась мне и послала воздушный поцелуй...

Мы уже добрались до места и выгружались из машины, как вдруг ожила рация.

– Товарищ капитан, – позвал Виталия Палыча радист. – Полковник Кочетов на связи.

Их разговор длился меньше минуты, а потом капитан подошел к нам.

– Значит так, бойцы, ситуация изменилась. От основной группы десанта откололась группа из трех «Спайдеров». Их сопровождает рота солдат и семь «Рапторов».

– Они идут к нам? – перебил Славка.

Виталий Палыч нахмурился, но выговаривать ему не стал. Вместо этого кивнул:

– Точно. Похоже, их цель – секретный объект на окраине Мытищ за Волковским кладбищем. Так называемая «запретка». Но на пути к ней – кабельный завод. А там еще идет эвакуация, сами видели.

Я вспомнил светловолосую девчонку в рабочей спецовке. Ее улыбку и поцелуй.

Виталий Палыч продолжал:

– Так вот, бойцы, наша задача проста: не пропустить неприятеля к заводу. Вопросы есть? Нет? Тогда занимаем позиции, – он коротко дал инструкции, кому, где и как расположиться. Напоследок добавил: – Не забываем держать связь. Ну, все, ребята. Разбежались. Работаем!

Нашему третьему звену выпало перекрывать перекресток улиц Колпакова и Летной. Мы с Карлом едва успели подняться на крышу УВД и развернуть «Метис», как заработало переговорное устройство:

– Я Двадцать Второй, – такой позывной был у снайпера-наблюдателя из второго звена. – Вижу противника. Двигается по улице Щербакова. Один «Спайдер» и три «Раптора».

– Я Тридцать Второй, – эхом откликнулся наблюдатель нашего звена Генка, – движение по Колпакова. «Спайдер» и парочка «Рапторов».

– Цель вижу. – Карл прильнул к окуляру системы наведения «Метиса».

Я посмотрел в бинокль. Пространство до кирпичной трубы котельной просматривалось отлично. Дальше обзор оставался более-менее нормальным только вдоль улиц. По правую руку от нас шел квартал невысоких трех-четырёхэтажных домов. По левую виднелись руины каких-то зданий и сплошная стена забора промзоны. А прямо перед нами шла дорога и широкая полоса пустыря.

Замеченный Генкой «Спайдер» двигался вдоль дороги прямо на нас, не замечая засады. Почему робота выпустили вперед без сопровождения, оставалось загадкой. На лекциях говорили, что внутри них человеческие мозги, так что, может, этот паукообразный, уверенный

в своих возможностях, решил геройство показать и в одиночку разведать пути обхода противника?

Между тем второе звено «ястребков», занявшее позицию в ЗАГСе, уже вступило в бой. Со стороны улицы Щербакова слышались взрывы и звуки выстрелов.

«Ну, понеслась! Сейчас и у нас начнется!» – промелькнуло у меня в голове. Словно в подтверждение, раздался голос Карла:

– Цель захвачена, – а в следующее мгновение тандемная ракета с шипением ушла в полет. Следом за ней потянулся тонкий провод связи.

Датчики «Спайдера» обнаружили опасность. Гигантский, похожий на паука робот с неожиданной резвостью рванул вперед, прямо навстречу ракете.

– Что он делает, гад? – удивился я.

– Котельная. Если доберется до нее, то всё, не достанем, – правая рука Карла принялась крутить ручку системы наведения ракеты, корректируя ее движение.

Но этот раунд остался за био: бронированная туша паукообразного робота исчезла за углом котельной. Ракета прошла мимо.

– Ушел, гад! – зашипел я, до боли вжимаясь лицом в окуляры бинокля.

– Не уйдет, – раздался в радиии голос Славки Капусты. Его «Вампир» ворчливо выплюнул выстрел в сторону котельной.

Взрыв!

В воздух взметнулись осколки кирпичей и куски покоруженного железа. Сквозь остатки разрушенных взрывом стен я увидел бронированную тушу «Спайдера». Обломки котельной пробарабанили по его броне, хотя урона не нанесли. С прежней резвостью он ломанулся в сторону улицы Мира.

– Сань, к тебе гость, – предупредил «соседей» Карл.

– Встречу, – коротко откликнулся оператор первого звена. – Вот он, родимый... А, нет, ушел дворами. Потерял его. Наверное, ко Второму пошел. Ишь какой приткий паучище...

– Не засоряем эфир, – прервал его бормотание строгий голос Виталия Палыча. – Второе звено, что у вас?

Вместо ответа со стороны загса раздался один за другим три мощных взрыва. Справа от нас взметнулся к небу столб дыма и пыли.

– Второе звено, ответьте! – настойчиво переспросил Виталий Палыч.

Эфир молчал.

Я закусил губу. Кажется, у нас первые потери.

– Витек, тандемную! – глухо потребовал Карл.

Я быстро закрепил на станке еще один ТПК с ракетной начинкой.

Как раз вовремя. Мое предположение об отсутствии сопровождения у боевого робота оказалось неверным: оказывается, котельная служила укрытием не только для «Спайдера», но и для парочки скрытно прокравшихся «Рапторов». Одному из них обломками повредило заднюю конечность. По крайней мере когда он вылез на дорогу перед нами, то сильно хромал. Зато с расположенной на груди пушкой у него был полный порядок. Ствол начал разворачиваться в нашу сторону.

Но Карл оказался быстрее. С легким хлопком отлетела прочь крышка ТПК, и ракета устремилась к цели. Покалеченный «Раптор» не успел увернуться. Легкая броня из авиационных сплавов не могла противостоять бронебойному снаряду. Био разорвало взрывом, словно бумажную салфетку.

В этот самый момент второй «Раптор» решил схитрить – одним скачком миновал улицу и попытался перескочить через мощный бетонный забор промзоны, чтобы обойти нас с тыла. Не тут-то было. Пашка Лобанов разрядил в него свой «Вампир», срезав био прямо с верхушки забора. Похожий на древнего доисторического ящера робот рухнул на землю

грудой искореженного металла. И только его механический хвост продолжал подергиваться, словно в конвульсиях.

Тут я заметил возле трехэтажек вражеских бойцов. У одного из них в руках вместо автомата я разглядел гранатомет «Каратель». Мы проходили их в теории, и даже держали в руках трофейный образец.

– Гена, видишь гранатометчика? – заорал я в переговорник.

– Где он? Не вижу, – ответил снайпер. Он занял позицию под нами – этажом ниже.

– Сейчас покажу, смотри! – я быстро сменил магазин – примкнул к автомату тот, в котором были трассирующие пули, и дал очередь в сторону противника.

– Отлично! Срисовал его, – в рации раздался скребущийся звук, словно терли металлом о металл – видно Генка менял позицию.

А враг с «Карателем» уже взял нас с Карлом на прицел.

– Карл, уходи! – я сделал движение к люку, ведущему вниз на чердак. Но товарищ не тронулся с места.

– Глянь, видишь, там «Спайдер». Похоже, наш недобитый вернулся, – коротко пояснил он, сосредоточенно заряжая новую ракету в ПТРК.

– Брось! Уходим! – закричал я.

– Ничего, успею, – бормотал Карл, наводя ракету на цель.

Гранатометчик выстрелил. Я заметался, ощущая безысходность. Граната приближалась так быстро, что уйти мы уже не успевали. В мозгу назойливо крутилась старая избитая шутка: «Не пытайся убежать от гранатометчика – умрешь уставшим». Или это говорилось про снайпера?..

Карл не обращал внимания на приближающуюся смерть, полностью поглощенный «Спайдером».

Граната неумолимо приближалась к нам. Мне казалось, что я вижу ее черную хищную верхушку с красным ободком.

Но час нашей с Карлом смерти еще не пробил – граната пролетела от меня буквально в двух шагах. Казалось, если протянуть руку, можно схватить ее. Смерть просвистела мимо, перелетела крышу и взорвалась где-то далеко позади.

И в этот самый момент Генка снял гранатометчика. Заработала рация.

– Хана гаду, – с мрачным удовольствием констатировал снайпер.

Переговорник тут же заработал вновь:

– Мы с товарищем капитаном завалили одного «Спайдера»! – ликование в голосе оператора первого звена не смог заглушить даже треск радиопомех.

– Третье звено, – вмешался Виталий Палыч, – внимание! К вам направляется взвод пехоты.

– Приняли, – ответил командир нашего звена. – Ребята, все слышали?

– Да. Вижу три цели, – тотчас откликнулся Генка. – Работаю.

Попал он или нет, мне с моей позиции видно не было. Я обшаривал взглядом окрестности, сжимая в руках автомат. Но вражеские бойцы, видно, рассредоточились и попрятались по укрытиям, стараясь не попадать в прицел снайпера. Исчез куда-то и «Спайдер» – словно в воздухе растворился.

Карл смотрел, не отрываясь, в окуляр системы наведения, приговаривая:

– Давай, покажись. Куда же ты опять спрятался...

Я рыскал взглядом по руинам котельной, улице, забору промзоны и трехэтажкам, отслеживая малейшее дрожание кустов и веток деревьев, но никого не видел.

Неожиданно из-за домов раздался свист. Он был звонким и заунывным одновременно. У меня по коже побежали мурашки. Так «петь» могла лишь сама смерть. Захотелось зажать себе уши и вообще стать маленьким и незаметным. Я знал, что это за свист – мины. Они

ложились рядом со зданием УВД, насыщая пустырь осколками, поднимая в воздух тучи земли, куски асфальта и разный мусор.

Огневая точка противника располагалась не слишком далеко – за трехэтажками, но, на наше счастье, скорректировать огонь неприятель пока как следует не сумел. Мины падали в стороне. Но это пока. Еще чуть-чуть и враг внесет необходимые поправки и накроет нашу позицию. Уничтожить же минометчика с нашей позиции мы не могли.

– Третье звено, уходите! – услышали мы приказ Виталия Палыча.

– Я уберу минометчика! – закричал в ответ в рацию Славка.

Он выскочил из подъезда УВД, перекинул трубу «Вампира» через плечо, взял наизготовку автомат и, пригибаясь, побежал через открытое пространство в сторону трехэтажек.

Внезапно со стороны развалин котельной ударила автоматная очередь. Славка упал на землю возле обломка бетонной лестницы. В первый момент мне показалось, что его убили. Но нет, он шевелился. И крови в бинокль я не увидел. Значит, затихарился и правильно сделал. Только укрытие ненадежное. Того и гляди посечет осколками от мин.

Мы с Генкой открыли огонь по руинам почти одновременно. Но Пашка нас опередил. В сторону остатков котельной ушел гранатометный выстрел. Лобаньч зарядил своего «Вампира» термобарическим зарядом, и жар от взрыва докатился даже до нашей с Карлом крыши. В развалинах выжгло все дотла. В таком крематории выжить невозможно.

Славка не стал медлить. Вскочил и исчез за углом одного из домов. Минометчиков он нашел очень быстро, выскочил перед ними, как чертик из табакерки, расстреливая врагов практически в упор. В рации раздался его взволнованный голос:

– Готов! У меня чисто! Черт! Ребята, я его нашел... А-ах!

Рация всхлипнула, что-то забулькало. А потом на дорогу перед УВД выплыла машина «Спайдера». В переднем манипуляторе био держал за волосы оторванную голову Славки.

Я глянул на Карла. Его трясло. Он смотрел в окуляр наведения и не мог прекратить дрожать.

– Дай-ка мне, – я отодвинул его от «Метиса» и занял место оператора, сам удивляясь своему спокойствию.

В прицел была видна увеличенная в несколько раз голова Славки. Его широко открытые глаза смотрели на меня с каким-то детским удивлением. Я тщательно прицелился в био, стараясь попасть в самое уязвимое место. Действовал сосредоточенно – словно не в бою, а на практических занятиях.

«Спайдер» направил в нашу с Карлом сторону ствол крупнокалиберного пулемета. Значит, засек нас. Но мне было плевать. Я знал, что завалю гада, чего бы мне это ни стоило.

Неожиданно био резко развернулся влево. Я не сразу понял, что произошло. Оказывается, сканеры робота засекли Пашку. Он вышел из-за угла УВД, приготовившись стрелять из своего «Вампира», и оказался прямо под ударом робота.

Лобаньч успел выстрелить до того, как его срезала пулеметная очередь био. Рука Пашки, видимо, дернулась в последний момент, потому что граната только слегка задела робота и ушла в сторону рикошетом. Зато я взял «паука» на прицел капитально. Теперь тебе не уйти, сволочь!

Ракета пошла в цель. Я стрелял почти в упор – расстояние между нами было около ста метров. Даже такой ловкач, как этот «Спайдер», не успевал ничего предпринять.

Спустя две таких длинных секунды нос ракеты вонзился роботу в бок.

Динамическая защита био сработала на отлично. Первый заряд не причинил «Спайдеру» вреда. Но ракета не зря называется тандемной – за первым, малым зарядом, идет второй – кумулятивный. Он прожег броню робота насквозь, проник внутрь корпуса и взорвался, разрывая в клочья жизненно важные модули.

Головную башню «паука» снесло напрочь. Его ноги подогнулись и он осел на асфальте дымящимся безжизненным пугалом.

– Готов! – заорал я Карлу. – Мы его сделали!

И осекся... В районе улицы Мира, там, где находилась позиция первого звена, раздался взрыв. Потом еще. И еще. Я видел, что последний снаряд прилетел издалека – со стороны руин разрушенной панельной многоэтажки.

«Третий «Спайдер», – успел осознать я. Увидел, как побледнело лицо Карла. А потом накрыло и нас...

* * *

Ноги... Как больно... Не могу пошевелиться... Трудно дышать – в воздухе плотное облако пыли, насыщенной известкой и кирпичным крошевом. Из-за нее все выглядит серым. И трупы, и кровь. Крови вообще много вокруг. Она льется рекой из изувеченных тел. Чьи они? Вглядываюсь изо всех сил, но перед глазами все та же пыль.

Ага... Вон тот у стены, кажется, Генка. Да, точно. Это он. У него больше нет лица – оно превратилось в мешанину из мяса и сломанных костей. Зато руки все еще сжимают помятую СВД.

А рядом со мной Карл. Он похож на сломанную куклу. Кажется, у него перебит хребет. Во время взрыва, видно, крыша, где мы с ним находились, просела внутрь, и мы свалились прямо на голову Генке.

Внезапно снаружи замечаю движение. Мимо меня проплывает машина третьего и последнего «Спайдера». Он перехитрил нас. Наблюдал издалека, пока его сородичи вскрывали все наши огневые точки, а затем нанес неожиданный удар.

Головная башня робота поворачивается в мою сторону. Датчики сканируют пространство в поисках выживших. Несколько долгих мгновений мне кажется, что био смотрит прямо на меня, а потом он отворачивается и движется дальше.

Почему?! Принял меня за труп? Видно, известка так густо усеяла мое тело, что для тепловизоров «Спайдера» я стал невидимкой.

Робот проходит мимо. Я слежу за ним взглядом, и мои кулаки невольно сжимаются. Неужто они все-таки победили?! Путь к кабельному заводу теперь открыт. Перед моими глазами всплывают автобусы с беженцами. И та девчонка, что улыбнулась мне. Я представляю, как бронированная громада Спайдера расстреливает в упор беззащитных людей...

Нет! Не допущу, пока я жив!

Надо найти хоть какое-нибудь оружие. Пытаюсь пошевелиться, но не могу – ноги придавило обломком стены. Мои руки нащупывают автомат. Но у него поврежден ствол. Отбрасываю в сторону бесполезную железку, и смотрю в сторону Карла. Может, его «калаш» уцелел? На лекциях говорили, что из стрелкового оружия можно повредить видеокамеры боевых роботов. Шанс мизерный, но хоть так... Нет, видимо, автомат Карла потерялся при взрыве. Зато я замечаю небольшую коробочку защитного цвета. Это дистанционный взрыватель. Перед началом боя мы установили две управляемые противотанковые мины возле входа в УВД – на случай, если роботам противника удастся подойти к нам вплотную. И вот сейчас «Спайдер» стоит как раз в зоне их действия.

Я тянусь к коробочке, сдерживая стон от боли в ногах. Кажется, взрыватель совсем близко, но мне не хватает каких-то пяти сантиметров.

Пытаюсь сделать рывок, но обломок стены намертво пригвоздил меня к полу. Я тянусь из последних сил. Слышу в ногах какой-то хруст. Боль пронзает меня насквозь. Кажется, я кричу. Сознание путается и готово ускользнуть в любой момент. Мотаю головой, пытаюсь разогнать подступающую муть, и вдруг ощущаю в ладони заветную коробочку.

«Спайдер» реагирует на мой крик. Или замечает движение. Он поворачивается ко мне. Слышу знакомый до жути звук. Пулеметная очередь! Она прошивает мне грудь, а я из последних сил жму на черную кнопку взрывателя.

Вспышка взрыва! Она яркая и горячая. Мерзкий железный паук корчится в ней, сгорая, будто в адском огне. Сквозь пелену уплывающего сознания с удовлетворением люблюсь его агонией, а потом как-то сразу и вдруг погружаюсь во тьму...

* * *

– Не отключайся! Слышишь? Не закрывай глаза! Смотри на меня! Смотри! – Это Виталий Палыч. Он делает мне какой-то укол и пытается перевязать раны на груди. – Витька, ты слышишь меня?

– Да... – говорить трудно. При каждом вздохе боль заполняет все тело. А еще я устал. Мне хочется тишины...

Наверное, я снова теряю сознание, а когда прихожу в себя, понимаю, что повис вниз головой на плече у капитана. Он бежит резвой рысцей в сторону кабельного завода...

...Следующий провал сознания. А потом я вдруг осознаю, что лежу на холодной земле. Наверное, у меня бред, потому что я вижу «Раптора», а рядом с ним Виталий Палыч. Из его руки внезапно выскакивает то ли меч, то ли штык и вонзается в брюхо механического «динозавра». «Раптор» ревет и бьет хвостом. От его воплей я снова теряю сознание...

...Что-то холодное касается лба. Это невыразимо приятно. Мне так хорошо, что не хочется открывать глаза. Слышу голоса. Разговаривают двое. Один – Виталий Палыч. Второй голос мне не знаком.

– Ну, что, Девяносто Девятый⁴, ты опять отличился? – сердится незнакомец. – Какого черта притащил сюда этот труп?

«Что за Девяносто Девятый? – про себя удивляюсь я. – Нашего капитана зовут Виталий Палыч».

Но сам капитан не протестует против странного имени.

– Парнишка еще живой, профессор, – тихо, но твердо отвечает он. – Помогите ему!

– Интересно, как? Я не умею оживлять мертвецов.

– Если кто-то и может его оживить, то только вы, профессор Кулагин, – мне кажется, или в голосе нашего капитана слышны подхалимские нотки?!

От удивления открываю глаза.

– А он и в самом деле не совсем мертв, – с интересом тянет собеседник капитана. – Ладно, Девяносто Девятый. Попробую что-нибудь сделать. Мне как раз нужен еще один координатор. Ты как, парень, не возражаешь стать кио? Так мы сокращенно называем киборгов.

Хочу ответить, но не могу – губы онемели и не слушаются.

Виталий Палыч замечает мои открытые глаза и ободряюще подмигивает:

– Не дрейфь, парень, прорвемся. Помереть – оно всегда успеется. Помяни мое слово, мы с тобой еще повоюем!

⁴ Девяносто Девятый – кио, персонаж романа В. Филоненко «Кремль 2222. Северо-восток».

Дмитрий Манасыпов Путь война⁵

Патронов в магазине автомата больше не было. Пистолет, верный и безотказный «макарыч», оказался ненужным. Магазин, не успев попасть в рукоять, остался с рюкзаком – в «гнионике». Левый рукав куртки намок от крови, так и не прекратившей просачиваться через повязку. Хотелось пить. Пот, липкий и едкий, заползал в глаза. Но это все ерунда.

Куда хуже грубая, криво вырезанная стрела, пробившая легкое. И вторая, которую удалось сломать и вытащить из бедра. Но вот бежать раненый больше не мог. Тащился вперед, тяжело опираясь на АК, подволакивая раненую ногу. Внутри клетотало булькающей кровью, пеной выступающей на губах и смешивающейся с тягучей слюной. А по пятам шла троица людоедов, терпеливо ожидающих, пока у человека в разодранной «флоре» и громоздком бронезилете кончатся силы. Про отсутствие в пистолете свинцовых гостинцев они не знали. Человек, еще недавно один из бойцов Савеловской крепости маркитантов, тащился вперед. Ему не хотелось вот так глупо умереть, это не для него. Ведь три дня назад, называя его по имени, к нему часто добавляли прозвище. Вернее, не так.

К его имени само по себе прилепилось второе. Так и звали: Илюха Везунчик, или даже просто Везунчик. Хотя сейчас? Сейчас в везение не верилось.

Почему Илью прозвали именно так – мало кто помнил. А сам он отмалчивался или врал. Да кому какая разница? Ну, Везунчик, так Везунчик. Могли бы и похуже погремуху дать. Обычное погоняло для обычного человека в Москве.

Родился он неизвестно где и когда, да и от кого – тоже. Целых девятнадцать лет назад нашли люди у входа в Савеловскую крепость кучу тряпья. А в ней тощенького новорожденного, задубевшего от холода и посиневшего от нехватки воздуха в насквозь забитых соплями дыхательных путях. Искать бабу, не решившуюся просто убить нежелательный приплод, никто не стал. Не до того было. Савеловских торговцев тогда обложили, да крепко. С двух сторон ревели нео, еще с одной лезли обнаглевшие вормы. Ну, а с последней – страшал людишек одинокий, злющий и страх какой голодный «Чинук». Не так давно жировавшие маркитанты готовились начать жевать собственную обувь и ремни. Хорошо, что человеческой брезговали. А то не миновать бы задрогшему пупсу, покрытому мурашками, котла. Вмешался случай и два жизненных обстоятельства.

Первое оказалось совершенно лысым, невысоким и ужасно лютым. Звали обстоятельство, легко укладывающее с пяток хороших бойцов голыми руками, Сан Саныч Кровопусков, разведчик, следопыт и, порой, палач при администрации. Хотя сам он предпочитал обзываться сталкером.

Второе также оказалось связанным с ним. Год назад опытный и серьезный мужчина притащил из похода смуглую замарашку, дичившуюся людей и молчавшую. Спустя необходимое количество месяцев стала она появляться на людях с большим, торчащим вперед животом. Ну и, как водится, родила. Да вот только ребеночек не так давно взял и помер. Лысый злобный сталкер стал еще злее, смуглянку его больше никто не видел.

Но в день появления у ворот крепости младенца Кровопусков в полной экипировке для разведки растолкал людей, молча забрал оружий сверток и также, не проронив ни звука, развернулся и ушел. Так Везунчику повезло в первый раз.

⁵ Рассказ является прямым продолжением романа Дмитрия Манасыпова «Кремль 2222. Восток».

* * *

Нога все-таки подвела. Автомат подвернулся, Илья споткнулся о крошечную выбоину и упал. «Макар» отлетел в сторону и залязгал по крошащемуся камню, скрывшись в темноте проема, уходящего в подвал старого-престарого дома. Вормы заорали и бросились к человеку.

Он успел встретить удар первого, вооруженного длиннущим ржавым дрынном. На самом его конце человекоподобный антропофаг, видать, с помощью кувалды и напильника, расплющил и заострил давным-давно приваренный кусок металла. Дрын выдержал, автомат нет. Но жизнь Илье АК спас. Вогнулся по ствольной коробке, отдался ударом в плечи, но не пропустил выщербленный треугольный наконечник к телу хозяина. Но вряд ли это как-то помогло бывшему маркитанту. Везунчик стиснул зубы, отбросил автомат и смог вытянуть из поясных ножен свое последнее оружие.

Илья еле успел поднять вторую руку, поймав падающую на него смертоубийственную железяку. Похоже, всё... Следующий удар точно лишит его жизни. Но тут в воздухе резко свистнуло, на лицо плеснуло горячим, заставив зажмуриться. Глаза залепило липким. Илья дернулся в сторону, пытаясь протереть лицо. Что за шанс выжить у него появился, он пока еще не знал. Но упускать его не стоило, особенно по глупости и из-за крови, попавшей на лицо. Маркитант засучил ногами, наплевав на боль, рывками поднимающуюся вверх, к животу. Боль была резкими ударами, крутила пах и кишки, пытаясь заставить хозяина остановиться. Но Везунчик полз, стараясь отодвинуться вслепую.

Где-то рядом, прямо над ним, кто-то явно убивал вормов. Ошибиться в этом казалось невозможным, вопли падальщиков тяжело спутать с другими. Да и длились они не особо долго, если не сказать, что очень коротко. Илья прислонился к чему-то ребристому, пальцами сбросил наконец-то пелену с глаз. Липкая масса, прореженная волосами, оказалась даже и не кровью. Ворм, практически без верхней части головы, валялся рядом. Маркитант покопался на склизкие розовато-серые сопля на ладони. Потом поднял голову, уставившись на неожиданную помощь. И снова подумал о закончившемся везении.

Сейчас вормы напоминали результат работы мясника Гдана, снабжавшего свежим животным белком все харчевни Савеловской. Стена покосившегося дома, сплошь покрытого шелестящей высохшей крыш-травой, справа от Ильи, казалась выкрашенной в красный цвет с переливами и оттенками. Но это не было главным. Главное стояло чуть в стороне, протирая оторванным рукавом изогнутый клинок с красивой гардой в виде искусно вырезанной овальной пластинки.

Убийца вормов был высоким, не ниже самого Везунчика, в красных пластинчатых доспехах и шлеме со злобной маской-забралом. За поясом, украшенным костью и серебром, был заткнут длинный пистолет. Через плечо, на широком кожаном ремне, висело странное оружие с несколькими стволами. Не самая обычная личность для Москвы.

Илья скрипнул зубами. Как говаривал как-то раз приемный отец, оказавшись между группой дампов и охотниками нео: из огня, да в полымя.

Вот такие же, как этот в красном, разве что в более скромных доспехах, не так давно уничтожили его дом. И он полностью понимал, кто перед ним. Пришлые воины, быстрые, умелые и безжалостные, не так давно появившиеся в Москве. Илья знал про них очень мало, но как звали сами себя – запомнил. Ведь перед ним, оттирая клинок прекрасного меча, стоял шайн.

Вот только вопрос, глупый и неуместный, никак не шел из головы маркитанта. Почему пришлый воин один, и как он здесь оказался?

Раньше

Бронепоезд появился вдалеке, лязгая и грохоча в последнем рывке. Матово серый, приземистый, с вагонами-черепаками, похожий на червя-мутанта. Толстые листы специально закаленной стали вместо панцирей, вращающиеся башни со стволами вместо голов.

– Как интересно, друг Хан... – нойон смотрел на двигавшуюся по восстановленным путям железную змею. – Что-то подсказывает мне – все это неспроста. И чувствует мое сердце, не к добру.

Кешайн в красных доспехах подвинулся ближе. Последние лучи солнца отражались на гранях аккуратно подогнанных пластин кирасы и зловеще хмурящейся маски забрала. Ответа от него нойон не ждал, Хан молчал с самого своего визита к Твари за Красным туманом.

Нойон редко сам встречает составы из метрополии. Для чего? Его главная забота не в приемке необходимых припасов и отправке найденного сырья. И даже не в контроле количества бочонков с дымным порохом или тюков с драгоценным углем из Полей смерти. Нойон отвечает за безопасность вновь обретенной области Народа, за боевой дух воинов-кешайнов и неутомимость постоянно работающих гао. В его руках все нити разведки, и ее результат, самый важный из всех имеющихся – информация.

Но сегодня он встречал состав сам. И не только потому, что Вэй Бо Чань, помощник и давний товарищ, лежал в лазарете после нападения приснопамятного пластуна на отряд, идущий с Савеловского вокзала. Причина была другой.

– Знать бы кто там, под броней... – нойон пригляделся к приближающемуся составу. – Хотя, что толку?

Уголь, поезда, сталь и дымный порох. Его Народ, шайны, стали теми, кто есть, только благодаря всему этому. Благодаря труду гао. Труд, который создает длинные составы, закованные в доспехи и вооруженные до зубов, труду, который восстанавливает железнодорожные пути там, где их проложили сотни лет назад. Благодаря шахтам, из забоев которых наверх поднимались вереницы вагонеток с жирно блестящим на сколах антрацитом. Благодаря печам и ковшам с пылающим металлом, кузнечным молотам и обрабатывающим станкам. Без множества этих составляющих вряд ли сейчас у восстановленного перрона одного из древнейших вокзалов Земли смог остановиться бронепоезд.

– Жаль, что погиб Чоу и большая часть его сотни, – проскрипел сзади так давно не слышанный нойоном голос, похожий на карканье. – Не доверяю Цзао.

– Я полагал, что ты говоришь, мой старый друг, но... – нойон не стал оборачиваться, зная кто его собеседник. – Но сомневался. А ты говоришь. Ты не доверяешь Цзао? Почему?

– Он прибыл вместе с сотней в последнем пополнении. И с ним что-то не так. Слишком ретиво относится к службе, слишком правильный, – проскрипел Хан. – Я бы посоветовал своему мастеру уйти, пока есть возможность.

– Нет, старый друг. У каждого из нас свое предназначение, начертанное на небесном свитке.

Неожиданно заговоривший Хан на этот раз не ответил. Воин в красной броне следил за людьми из сотни Цзао, единственной сотни, не потрепанной недавними боями. Кешайны расположились по всем сохранившимся перронам, которые находились под остатками ржавого скелета каркаса, возведенного когда-то для стеклянной крыши. Десяток, вооруженный гранатами и станковым пулеметом, защищал незаделанные проломы, которые вели прямо на привокзальную площадь.

Но почему-то сейчас большая часть воинов Цзао находились в оцеплении по бокам и за спиной нойона. И вооружились они короткими мушкетами большого калибра, бьющими на короткое расстояние, но сразу же наповал.

Бронепоезд наконец приблизился к платформе-перрону, превращенной трудами гао в небольшую крепость. Хотя нападать на этот поезд – себе дороже. Длинный, в десять бронеплощадок, он казался пришельцем из прошлого. Огромным, неповоротливым, с двумя локомотивами, дымящими жирной чернотой от сжигания обычного угля, но от этого не ставшим менее грозным. Несущим смерть. Копия гениального произведения инженерной мысли прошедших веков, восстановленного учеными и механиками Народа.

– Посмотри, друг, сколько всего изменилось за те пять лет, что мы с тобой шли сюда, в Московию, – нойон кивнул в сторону мерно дышащей паром громады. – Спору нет, многие из составов, включая наш с тобой, хороши. Но этот...

– Да, – голос Хана не изменился, не стал довольным от восхищения достижениями Народа.

– Новые крупнокалиберные орудия, мощные двигатели, новый тип бронелистов, скрепленных между собой сваркой. Чтобы вскрыть такое – нужно очень постараться.

Опытный воин не ошибался. Сам нойон разбирался в типах вооружения и защиты не особенно хорошо, но ему хватало и имеющихся знаний. Все-таки большая часть бронепоездов пока еще была старого типа. В них листы крепились с помощью заклепок, а толщина их не была достаточно надежной на случай серьезного нападения. Поэтому, как правило, борта вагонов основной массы бронепоездов пока еще собирали из двух относительно тонких листов стали, а между ними либо засыпали песок, либо вставляли плотные тюфяки из шерсти.

Но новый бронепоезд – другое. С передней платформы смотрели вперед стволы громоздких пулеметов, закрытых ребристыми трубами кожухов, и одно орудие – редкая и дорогая казнозарядная скоростная пушка, стреляющая коническими бронебойными снарядами, разрывными бомбами и зажигательными гранатами. Все верно, сам он точно так распорядился бы укомплектовать голову состава, принимающую основной удар.

– Ни разу не видел таких вагонов, господин. – Начальник станции подошел незаметно. Старый кешайн, неоднократно раненый и отправленный на почетную должность, перенес вес тела на скрипнувшую деревянную ногу. Пыхнул трубкой, затейливо вырезанной из корня, окутался дымом от вислых усов до острого кончика мехового треуха. – Очень большой вагон.

Нойон понимал, о чем говорит ветеран. В середине состава торчала горбатая крыша очень высокого и пузатого броневагона. И это подняло в памяти кое-что.

– Хан! – Нойон чуть повернул голову к воину в красных доспехах. Говорить пришлось шепотом, мало ли кто из находившихся мог подслушать мысленную беседу... если нойон прав в своей догадке. – Возможно, старый друг, что это мой последний приказ тебе. Уходи к нашему локомотиву, и двигайся в сторону Форпоста. Не пытайся вмешаться, что бы ни происходило. Один раз я задолжал тебе жизнь, второй раз не хочу. И не спорь со мной.

Хан коротко кивнул и прошел мимо недовольно покосившегося сотника Цзао. Нойон не удивился, когда следом за воином в красном двинулась пятерка кешайнов с мушкетами. За Хана он не переживал.

– Не знаете, кто в том вагоне, господин? – Станционный начальник преданно взглянул в глаза. – А то и обратиться как следует не успели, а грязи-то нанесло... Да и как тут успеть в темноте?

Тут ветеран был прав. Солнце с трудом пробивалось через серые тучи, вечерело. Ветер гонял мусор по перрону, сбивая бетонную пыль в кучи возле колонн. Ее здесь хватало, даже с избытком. Останки вокзала, стоявшие двести лет, потихоньку разрушались все больше и

больше. Время неумолимо, а людей у нойона не хватало – все заняты, возводя фортификации на Казанском и Курском вокзалах.

Состав зашипел, останавливаясь. Платформу затянуло густым белым паром, в котором тут же засуетились смутные тени, раздалась команда, лязг металла.

Трубка начальника станции качнулась и чуть не выпала у него изо рта. Из клубов дыма и пара, лязгнув металлом, гулко протопало что-то огромное. Сердито сопя через прорези забрала, это габаритное нечто встало за спиной нойона, заставив охрану прыгнуть в сторону. Начальник станции хрипло прочистил горло, сплюнув табачную слюну под ноги, и вновь удивленно крякнул.

Нойон вполне понимал ветерана. В первый раз увидев Мергена мало кто мог сохранить спокойствие. И если живой танк здесь, в Московии, то, значит, здесь же и его хозяин. И так же ясно, кого он защищает.

На перроне образцово выстроились в шеренгу крепкие высокие кешайны в темных нагрудниках, с редкими пятзарядными винтовками и двумя клинками на широких ремнях за спинами. Гвардия, отборнейшие солдаты, и нойон знал – чья. Черно-красный плащ, появившийся в конце живого коридора, не заметил бы только слепой.

Сюда, в Московию, прибыл ни кто иной, как Джихангир. Один из пятнадцати Беркутов, составляющих половину Совета. Покоритель земель по нижнему и среднему течению реки Итиль. Палач любого поселения, не сдавшегося на пути хайна в багрово-черном плаще. Полководец, не признающий никаких сложностей и решающий любую задачу. И это плохой знак. Нойон усмехнулся, понимая, что не зря отослал верного Хана.

Справа от Джихангира, легко и размашисто шагая, шел Цаган-Бугой. Тот, кому служат ракши, не принимаемый частью Совета хайн-шаман, загадка для нойона. Как всегда, на нем была одежда из светло-серой джутовой ткани грубой выделки, а на поясе висел кожаный хлыст, свернутый в несколько петель. На лице – маска, отливающая глубоким теплом старой слоновой кости, чуть поблескивающая мелкими точками на висках. Правая ладонь, затянутая в боевую перчатку, сжимала посох с наконечником в виде листа с острейшими кромками. Левая рука на ходу пропускала между пальцев длинные блеклые пряди высоченной и горбатой твари, очень отдаленно похожей на собаку. Призрачная Гончая, чьи обоняние, глаза и уши все время в поисках врагов хозяина.

Взглянув на оставшихся спутников, нойон вздохнул, поняв, что его ждет...

Отстав на несколько шагов от хайнов, шли еще двое. Сутулую фигуру одного из них с головы до ног закрывал темный балахон, вторым был очень худой воин в кожаном нагруднике с пластинами поверх песочного мундира. За Цаган-Бугоем шли Варан и Унг-Гьерн. А еще нойон успел увидеть то, чего не заметил начальник станции: как ушла в провал между платформами быстрая тень в черном, и как мелькнул, взлетая на крышу вагона, странный, похожий на паука силуэт. Но все это было не важно, Джихангир уже подошел.

– Не ждал меня, Ли Да-Дао? – Глубокий и густой бас раскатился под сводами.

– Не ждал, Джихангир, – криво улыбнулся под маской нойон.

– И зря. – Джихангир повернул голову к начальнику станции. – Состав на обслуживание, но половину гао оставить для следующего.

– Следующего?

– Ты слишком глуп или стар для своей должности, кешайн? – голос Джихангира налился гневом. – Второй состав прибудет через несколько минут. Иди и занимайся всем необходимым. Цзао!

Сотник тут же подскочил, вытянувшись в струнку.

– Отведи людей подальше и проследи, чтобы никто не путался под ногами.

– Выполняю, господин! – гаркнул сотник и побежал к стоящей неподалеку охране. Нойон усмехнулся. Хан оказался прав. И его, такого мудрого и такого глупого Ли Да-Дао обвели вокруг пальца, отправив в Московию шпиона.

– Ты не рад меня видеть, Ли... – Джихангир чуть наклонил голову.

Он был выше нойона и явно наслаждался даже такой мелочью, как физическое превосходство. Ну и пусть, глупо вступать с ним в противостояние. В схватках между хайнами физическая сила значила немного.

Нойон глубоко вздохнул, наслаждаясь жизнью, пока еще текущей по его венам. Через сколько ударов сердца все закончится? Он не знал. Зато ему было известно другое.

Ли Да-Дао хорошо представлял будущее Московии. Беркут не тигр, но от этого не становится менее опасным или менее злым. Он, Ли Да-Дао, дал возможность разведчику из Кремля решить все миром. И тем самым подписал себе приговор.

Раз Джихангир появился здесь, то все уже решено. И его жизнь, нойона, построившего на земле Московии две крепости и восстановившего дорогу из стали, станет первой из многих. Слава Джихангира среди Народа бежала впереди него. Владелец маски озлобленного дэва не знал жалости и пощады ни к кому, ни к своим, ни к чужим. Стальная воля, сильнейшие ментальные способности, усиленные Самоцветами Войны, и презрение к смерти. И если до его прибытия кровь проливалась ручьями, то теперь она побежит полноводной рекой. А слово «война» приобретет новый смысл. Никакой пощады к врагу, никаких соглашений и примирения. Только победа, любой ценой.

– Мне нужно много ответов, Ли! – Джихангир навис над ним, грохоча разъяренным громом. – И, надеюсь, что ты мне их дашь!

«Все эти слова звучат для твоих же людей, – подумалось бывшему нойону. – Зачем так глупо расходовать свое время? Хотя...»

– То, что сделано тобою, Ли Да-Дао, принесло Народу вред. Молчишь? Значит, Ли, ты уже признал свою вину. Совет не доволен тем, что ты делаешь здесь. Ты тратишь драгоценное время, получая не менее дорогое снаряжение, боеприпасы, людей, и очень мало даешь взамен. Почему до сих пор не организованы поставки сырья в войсковые мастерские? Воинам Народа требуется кожа, рог, кость и шерсть, где все это?

– В Московии нет диких фенакодусов, Джихангир. – Нойон наконец-то заговорил вслух. – Я неоднократно запрашивал команды охотников, чтобы ловить хоммутов и попробовать брать жуков-медведей...

– Здесь полно вонючих и мохнатых нео! – рыкнула маска с россыпью алых камней. – Вот тебе и кожа с шерстью, и даже костная ткань для пуговиц. Хорошо, что не прекращаются поставки угля из Полей смерти, но его мало. Оба моих состава за путь сюда сожгли в топках месячный запас топлива, которого ты прислал. В чем дело?

– Нео, конечно, мутанты... – нойон устало вздохнул. – Но они потомки людей. И покупать их в большом количестве проблематично.

– Покупать? – Джихангир засмеялся. – Зачем покупать то, что можно взять силой?

– Нео нужны нам для второй волны атаки на Кремль, идущей сразу за жуками. Для чего настраивать их против себя?

Ли Да-Дао спокойно смотрел на нависающего над ним брата хайна. Как отличались их характеры и даже речь, также различались и маски. У Джихангира она была злой, с торчащими между толстыми губами клыками. Старая желтоватая кость, пошедшая на них... чья она?

– Да, нео жрут друг друга, когда нет больше ничего другого. Но здесь, в Московии, есть поговорка, очень старая: две собаки дерутся, так третья – не лезь. А слухи тут расходятся быстро. Большая часть моих сил брошена именно на то, чтобы пресекать слухи.

– Ты знаешь, что тебя ждет, Ли?

– Да.

Нойон посмотрел вверх. Все уже решено, для чего ломать комедию? Здесь, в разрушенной Москве, он все-таки смог увидеть ярко-синюю чашу Неба, и хотел бы насладиться ею еще раз. Но надвигающаяся ночь не дала такой возможности. Небо тоже приветствовало Джихангира, ярко-красное от садящегося солнца, подернутое острыми темными тучами.

Джихангир отошел в сторону, кивнув воину в кожаном нагруднике. С тихим шипением выполз изогнутый клинок, кешайн шагнул вперед, замахиваясь.

И одновременно произошло многое.

Кешайн в песочном мундире ударил коротко и сильно, вгоня сталь в грудь бывшего нойона.

Ли Да-Дао не успел ничего почувствовать, и лишь его Самоцветы задрожали, ощущая смерть своего владельца.

Рука Джихангира потянулась к маске уже погибшего Ли, стараясь содрать ее в течение трех драгоценных минут, когда Самоцветы еще живы.

Со стороны пролома, выходящего на площадь, гулко и раскатисто ухнуло. И в это же время с крыши бронепоезда ударило хлестким звуком выстрела из чего-то крупнокалиберного – по тому самому месту, куда метнулась непонятная паучья тень, замеченная убитым нойоном.

Качнулась к Джихангиру громада Мергена, стараясь закрыть того щитом – но не успела.

Дымящая ракета, пущенная с привокзальной площади, не попала точно в цель, угодив в бронированный нос самой первой площадки. Все тут же заволочло дымом от сгоревшего пороха и пылью, поднятой ударной волной.

Правый багрово-черный рукав лопнул, аккуратно разрезанный бритвой осколка, потекла кровь. Джихангир отступил назад, укрываясь за локомотивом. И тут же разорвалась еще одна ракета. Стало ясно, что стрелок целился уже не в нового нойона. Тело падающего Ли подняло в воздух, раздирая на части. Маска, сверкающая гранями камней на осколках, разлетелась во все стороны.

Загрохотали пулеметы в башнях бронеплощадок. Оружие у Джихангира было что надо, настоящие «максимы». Огненный шквал обрушился на площадь, откуда прилетели ракеты, выпущенные в нойона, сметая по дороге нескольких замешкавшихся гао и добив раненого кешайна. Но свинец летел недолго. Последний залп неведомого противника пришелся по козырьку над проломом, обрушив вниз только-только установленную конструкцию. Треск и лязг сминаемой стали заглушил даже грохот разрывов...

– Кто это сделал? – Джихангир смотрел на дымящиеся обломки, куски металла, закрученные спиралью, и останки нескольких кешайнов. Гао, те, что не были заняты на выгрузке второго состава, торопливо убирали их с помощью лопат, метел и воды. Удушающе пахло кровью, внутренностями и палеными волосами.

– Это Хан... – трясущимся голосом доложил сотник... или бывший сотник Цзао. – Локомотив нойона стоял под парами, на направляющих были ракеты.

– Так... – Джихангир встал с раскладного походного стула. Из-под широкого рукава с багровой оторочкой виднелся свежий бинт. – Так...

Цзао замер, стараясь не смотреть на «песочного» воина, стоявшего сбоку – уж больно не хотелось умирать.

– Пока ты останешься жив, Цзао. – Новый нойон сделал несколько шагов вперед, внимательно смотря за попытками гао поставить станок «гатлинга» на покореженные колеса. – Мне нужны твои знания Московии, Хана и всего остального. Только от тебя, кешайн, сейчас зависит твоя судьба. Новым командиром становится Цаган-Бугой.

Шаман наклонил голову, соглашаясь.

– Цаган-Бугой, мне хочется, чтобы ты как можно быстрее поймал Хана. У нас не очень много времени. Даю тебе три дня.

– Хорошо, нойон. Рудра уже ушла следом за моей гончей. Полагаю, что Хан отправится напрямик в Форпост. Мы уже предупредили гарнизон о его возможном появлении и об его немедленном аресте. Живым.

– Ты полагаешь, что они смогут с ним справиться? – Голос Джихангира не давал усомниться в его сарказме. – Слишком он стал силен здесь, побывав у неведомой твари.

– Я полагаю, мой нойон, что следует заняться отправкой полусотни воинов в Форпост в качестве подкрепления. Без такового Хан пройдет через гарнизон, словно нож через масло, полежавшее на солнце. – Шаман положил на колени посох-копье и провел пальцем в кольчужной перчатке по кромке. Наконечник еле слышно зазвенел, вздрогнув отточенной сталью. – Он поднял руку на вас, мой нойон, нарушив все уложения Ясы. И, значит, он пройдет по этому пути до конца, используя все, что сможет помочь ему уничтожить вас, приказавшего убить Ли Да-Дао. Теперь для него это долг Жизни...

– Ты думаешь? Ли действительно спас его тогда, дал шанс выжить... Но? Не могло ли это просто повредить ему разум?

– И нет, и да. Ли дал ему спастись, и Хан нарушил Ясу. Месть – плата за смерть друга. Он пошел в Форпост. Зачем? Хан выживет где угодно, что здесь, среди руин города, что в далеких северных торосах промеж северных варваров и ледовых медведей. Он пошел туда за чем-то важным, чтобы оно помогло ему отомстить нам. Или за кем-то...

Сейчас

Илья проснулся ночью. В углу тлел костерок. Шайн, тот самый, был еле виден в полутьме у заросшего травой окна.

– Эй... – Просипел маркитант и тут же зажал рот ладонью. Кашель навалился на него, раздирая легкие изнутри.

– Лежи спокойно, московит. – Голос, скрипящий металлом по стеклу, раздался из угла. – Осталось недолго. Скоро твоя душа отправится на Вечное Синее Небо.

Илья забулькал и отхаркнул густую черную кровь. Тоже мне, удивил и порадовал. Многие выживут после такой-то дырки в легком?

– Лежи спокойно, так не будет очень больно и страшно, – шайн чуть сместился, выглянул наружу. – Если хочешь, могу тебе помочь.

– Вот спасибо, удружил. Чего сразу не добил? И кто ты такой вообще?

– Не важно кто я... важнее то, кто сейчас ты.

– Правда? – Илья ухмыльнулся, шайну удалось его развеселить. – Я кусок мяса, находящийся в двух шагах от смерти. А вот такие, как ты...

– Такие, как я, не так давно сожгли твой дом, убили много людей, считавших тебя своим. Это война, московит. Сейчас я слегка облегчу твою боль, не бойся.

Воин неувловимым неслышным движением оказался рядом. Кончиками пальцев пробежал по груди, коснулся бедра. А то, к слову, оказалось плотно перевязанным. А вот из груди, выпирая сквозь полотно, торчало древко... черт!!!

– Да, я не удалил стрелу, так станет еще хуже. На, проглоти.

Перед глазами Ильи оказалась ладонь с тремя катышками, еле ощутимо пахнувшими чем-то травяным, и фляга, зажатая во второй руке шайна. Что оставалось делать, как не воспользоваться предложением? Терять-то все равно нечего.

Маркитант поморщился, почувствовав, как плотно прошли по горлу шарики лекарственного снадобья, быстро запил, стараясь не поперхнуться. Простейшее, казалось бы, дело, плотнуть воды... Ага. Поди-ка, сделай такое, имея в груди толстый прут, проткнувший легкое. Тут и вода, чуть теплая, мягкая, покажется ножом, только и ждущим момента, чтобы впитаться в плоть изнутри, резануть, как следует.

Неожиданно стало легче дышать. Но не надолго. Маркитант выпучил глаза, ощущая, как внутри него что-то задвигалось, сбираясь в комок, поднимающийся к горлу. Шайн бесстрастно сидел рядом, чуть склонив голову. Катыш, скользящий вверх, стремился выбраться наружу, превращался в снежный ком, распирая изнутри легкие. Немного позже, полсекунды ли, четверть ли, трахею изнутри заполнило чем-то гладким. А потом маркитанта дернуло вперед, наклоняя к земле и, прямо под ноги все такого же невозмутимого хайна, Илья выблевал черный соленый сгусток. С всхлипом втянул воздух, жадно хватая его ртом.

По груди, внутри, с ощутимым легким треском, разбегался морозец. Боль отступала, отходя куда-то не очень далеко. Шайн довольно кивнул головой:

– Так лучше. Мне нужно поговорить с тобой, московит.

Везунчик не ответил, прислушиваясь к себе самому. Словам этого воина приходилось верить, так подсказывал собственный опыт маркитанта. Ему, солдату, следопыту и охотнику павшей Савеловской крепости, видеть такие раны доводилось. Сам себе он мог бы дать часа три, пять от силы.

– Спасибо. – Говорилось легко, острой боли при вдохе не чувствовалось. – Так кто ты? И для чего тебе нужен я?

Шайн покосился в сторону проема. За ним, в темноте гигантских руин, хороводила страшная ночная жизнь.

– Меня зовут Хан, я кешайн, бывший телохранитель бывшего нойона Московии. Мой господин, мой друг, погиб сегодня утром. От моей руки, но это лучше ожидавшей его смерти. Ни позор, ни боль не коснулись его, он ушел к своим предкам, живущим в Вечной синеве, свободным человеком, батыром, погибшим в битве. Ты меня слушаешь, московит?

Илья слушал. И не только из-за отсутствия выбора. Ему оставалось жить не так уж и много. А этот странный человек, так и не снявший шлем с маской, спас его от долгого и мучительного страдания.

– Мой друг, господин Ли Да-Дао, достойно прошел свой путь. Он подарил мне жизнь, и только я сам превратил этот дар в Долг Жизни, священный для каждого истинного сына Народа. Смотри сюда, человек, считающийся купцом, чей истинный товар – жизнь других людей, а барыш всегда окрашен кровью.

Хан отстегнул ремень под подбородком, снял шлем, проведя ладонью по лысому затылку, покрытому, как и шея, открывшаяся взгляду, небольшими кожаными бляшками. Света от костерка хватило Илье, чтобы хорошо рассмотреть это уродство. Как и шрам, страшный, небывалый. Илья давно взял в руки настоящую боевую сталь, и оценить увечье смог. Как выжил странный воин после такого, как?!

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Я говорю с тобой, потому что ты сейчас одной ногой стоишь в вечном холоде, или что там у вас, московитов, вместо него? – Хан снова надел шлем. – Я рассказываю все это не просто умирающему человеку, живущему в развалинах. Сейчас все сказанное слышит твоими ушами Смерть. Мне, давшему обет молчания после Твари за Красным туманом, нельзя говорить. И я молчал так долго, как смог. За каждое оброненное слово приходило наказание. Возможно, что я понял это слишком поздно. Возможно, что сказав ненужное человеку из кирпичной крепости, я навлек беду на голову своего господина. Но это уже не важно. Сейчас меня слышишь лишь ты и Смерть, готовящаяся забрать нас обоих. Потому что мне также суждено скоро погибнуть.

Хан замолчал, неслышно дошел до костерка, подкинул в огонь сухо затрещавшие ветки. Горюн-трава и правда горит хорошо, но, самое главное, долго.

– Как-то не хочется умирать. – Илья поерзал спиной по стене. – Страшно. Хотя тебе, Хан, это известно наверняка, так?

– Так, – воин уже стоял у пролома в стене, смотрел в темноту. – И куда больше, чем ты можешь представить.

Намного раньше

Шипы, выпущенные неизвестной тварью, раскрошились о щит, выставленный Ханом. Сосед справа, юнец из приданной полусотни, защититься не успел. Толстая роговая игла пробила левый глаз. Он упал назад, заскреб пальцами, загребая еще не остывший песок. Но было не до него.

Кешайны отступали, отходили в наполовину погребенное пустыней огромное здание с двумя башенками на крыше. Жители этих мест оказались намного опаснее ожидаемого. Древний город, украшенный мавзолеями, минаретами и дворцом с уцелевшими куполами цвета небесной синевы, таил в себе ужас. И ему, черному и безжалостному, не понадобилось ждать наступления ночи. Пустыня пришла на помощь сама, позвала с собой ветер, желая утопить нежданных пришельцев в своих раскаленных и жадных объятиях. Как только небо закрыла желто-бурая тьма, прореживаемая алыми полосами отсветов неумолимого низкого солнца, пришли ее дети.

Хан поднял комбинированный штуцер и выстрелил из нарезного ствола в молниеносно припавшего к земле противника. Попал, заметил крупные черные капли, разлетевшиеся в желтой круговерти. Песок ответил на гибель одного из чад своих воем, криком и ревом сотен других. Или десятков, как хотелось думать кешайну.

– Не бросаем раненых! – рявкнул свежеиспеченный сотник. Мастер Ли повисил его перед самым походом, заменив совершенно обезумевшего от крови Убэя. Хан оглянулся вокруг, считая оставшихся в живых братьев. – Где «гатлинг»?!!

Ответила ему длинная очередь, ударившая огненной полосой по наступающим тварям. Командир десятка пулеметчиков знал свое дело. Одно из двух новых орудий, полученных перед выходом в Самарканд, осталось целым. Собранная инженерами гао картечьница, громоздкая и тяжелая, спасала отступающих воинов Народа. Враги были за стеной из мириадом острейших песчинок, но не смогли подойти ближе. Кешайны отступали.

Хан оставил пятерых у ворот, где, прячась за распотрошенными телами фенакодусов, строчил скупыми очередями Бо, командир орудий. Хотя бы сюда, но они дошли. На большее рассчитывать не приходилось. Хан нырнул в темноту арки, украшенной тремя оставшимися изразцами, успел убрать голову. Его солдаты ломали потолок, преграждая детям пустыни самую простую дорогу.

Хан поймал за плечо бегущего мимо бойца, закричал в ухо, скрытое выступом шлема:

– Добеги до Бо. Скажи, пусть отступает, катит сюда уцелевший «гатлинг» и захватит помощника. Остальным братьям передай приказ спасти раненых. Сам останься с ними! Да пребудет с тобой сила и благословение Вечного Синего Неба, брат.

Воспаленные глаза кешайна, совсем зеленого юнца, заметно дрогнули. Хан, незаметно сунув руку за спину, взялся за рукоять ножа. Но кешайн справился, лишь кивнул головой и метнулся в сторону глухих выстрелов за спиной. Хан выпустил оружие, тут же скользнувшее в ножны. Новобранцам намного тяжелее, чем ветеранам, и они часто ломаются. Хорошо, если этот окажется не из таких.

– Где мастер Ли?! – Кешайн поймал за рукав десятника Лоу. – Где...

– Я здесь, Хан, – шайн возник в круговороте песчинок. – Отзывай бойцов сразу же, как они обрушат галерею. Нам надо добраться в мавзолей, там есть шанс.

– Откуда, господин? Фенакодусов нет, их утащили проклятые черви. Здесь эти твари вырастают в несколько раз больше. Воды тоже почти не осталось. Порох был на фенакодусах и остался в рогах, так же, как и пули... А эти твари...

– И у них есть предел прочности, мой друг. – Ли Да-Дао качнул совсем новой маской из кости, украшенной россыпью еще не подчинившихся до конца Самоцветов войны. – Нам надо отступить и попытаться выжить любой ценой. Дождаться помощи...

Хан дернул щекой, не желая спорить. Он был совсем молодым, когда судьба свела его с мастером Ли Да-Дао. И ни разу с того времени везение, чутье и опыт хайна не подводили ни его самого, ни нескольких кешайнов, ставших доверенными людьми одного из вершителей судеб Народа.

– Отводи людей в Гур-Эмир. Я приказал обрушить второй ход оставшимися динамитными шашками, – повторил хайн. – Займите оборону по окнам над внутренним двориком. Дети пустыни перейдут через первый рубеж уже скоро.

– Если их не задержат стены, то...

– То этих демонов задержу я. – Ли Да-Дао повернул к нему голову, блеснув самоцветами маски. – Веди людей, Хан.

Хан плотнее намотал на лицо плотный рукав куртки, заменивший потерянную в схватке маску. Прищурился, пытаясь рассмотреть, что там впереди.

Громада главного купола Гур-Эмира темнела через режущую кожу песчаную бурю, темнели фигуры немногих воинов, добравшихся сюда. Они ждали приказа, сжимая оставшиеся почти без боеприпасов ружья, выщербленные клинки и луки, к которым почти не осталось стрел. Его люди, братья кешайны, терпеливо ждущие слова командира.

Сотник махнул рукой, показывая на мавзолей. В конце концов, именно он – главная цель экспедиции, значит, туда им всем и дорога. В последнем пристанище великого хромца, что не мог спокойно спать даже после Последней войны.

За спиной хана загрохотал обрушивающийся потолок большого входа. Демоны пустыни шли за своими жертвами. Хан отходил последним, стараясь не упустить из вида хайна, хотя тот и не прятался. Отступал, шаг за шагом, спиной, двигался к мавзолею. Ветер выл, взвивались в стороны черные полы плаща, рвался в серо-алое небо капюшон.

Сотник зажал зубами один из пятнадцати оставшихся патронов, проверил все три ствола. Махнул дождавшимся его воинам, уже занявшим позиции внутри крепкого, несмотря на прошедшие века, прямоугольника из обожженного кирпича. Твари, уничтожившие его первый в жизни отряд, начали стекаться к неровному двору. Проникали в проломы стен, появлявшиеся прямо на глазах, переваливались через гребень обрушившихся кусков, вспучивали саму землю, продираясь через нее.

Ружье Хану сделал старый оружейник, одноногий Кано, хмурый, прячущий слезящийся глаз за линзами своей рабочей маски, создающий штучные ружья и боеприпасы к ним.

Два верхних ствола – нарезные, нижний – для картечи. Блок курков, удобный приклад и ложе, выточенное из ореха по мерке Хана. Ремень из грубой и прочной кожи, без ненужной вышивки, только для крепости простроченный по краям. Жаль оставлять славное оружие здесь, погибнув глупо и бесславно. Такое стоит оставлять хорошему воину, брату кешайну. Хотя... Хан приложился к окуляру, благо, круговерть песка и пыли чуть улеглась, прицелился тщательнее.

Громадный див со свалывшейся серой шерстью, разъяренный и жаждущий смерти, летел к хайну. В лапище – огромный топор, клыки наружу. Выдох... Палец мягко потянул скобу. Приклад толкнул в плечо, див споткнулся, пробежал по инерции и упал. Бежать без головы – очень сложно.

Сзади звали воины, кричали, ждали сотника, а он, сотник, ждал одного единственного хайна.

Желающие добраться до воинов Народа все прибывали. Лохматые и лысые, маленькие, большие и огромные, на четырех, двух, трех конечностях. Отряд Ли Да-Дао рисковал,

отправляясь сюда, но представить насколько – не мог никто. Хан лично знал командира разведки, невысокого гао Юлуня, не так давно завоевавшего право на имя воина. Жилистый парень, со светлой шерсткой под маскировочным плащом, не мог предать...

Раз так... раз так, то остается одно. Пустыня обманула их, заманила, желая использовать в своих целях. Но Ли Да-Дао, хайн, входивший в состав Совета, рискнул. Расплата за риск оказалась серьезной и явно не полной. Пока не полной. С самого появления вдали черных точек, превратившихся к вечеру в минареты, отряд жил в кредит. А сейчас кредиторы, вознамерившиеся получить свое сполна, торопились к должникам.

Быстро перебирая кривыми цепкими лапками, крепко впивающимися в песок, бежали иглороги. Спины тварей оцетинились выстреливаемой на пару десятков шагов острой смертью, свалившей уже немало воинов. Тратить на них пулю не хотелось, да и далеко – рикошет от торчащих шипов и пластин, окружающих метательные сумки, наверняка обеспечен. Хан помянул Хуурматта, ища новую цель. Недостатка в них не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.